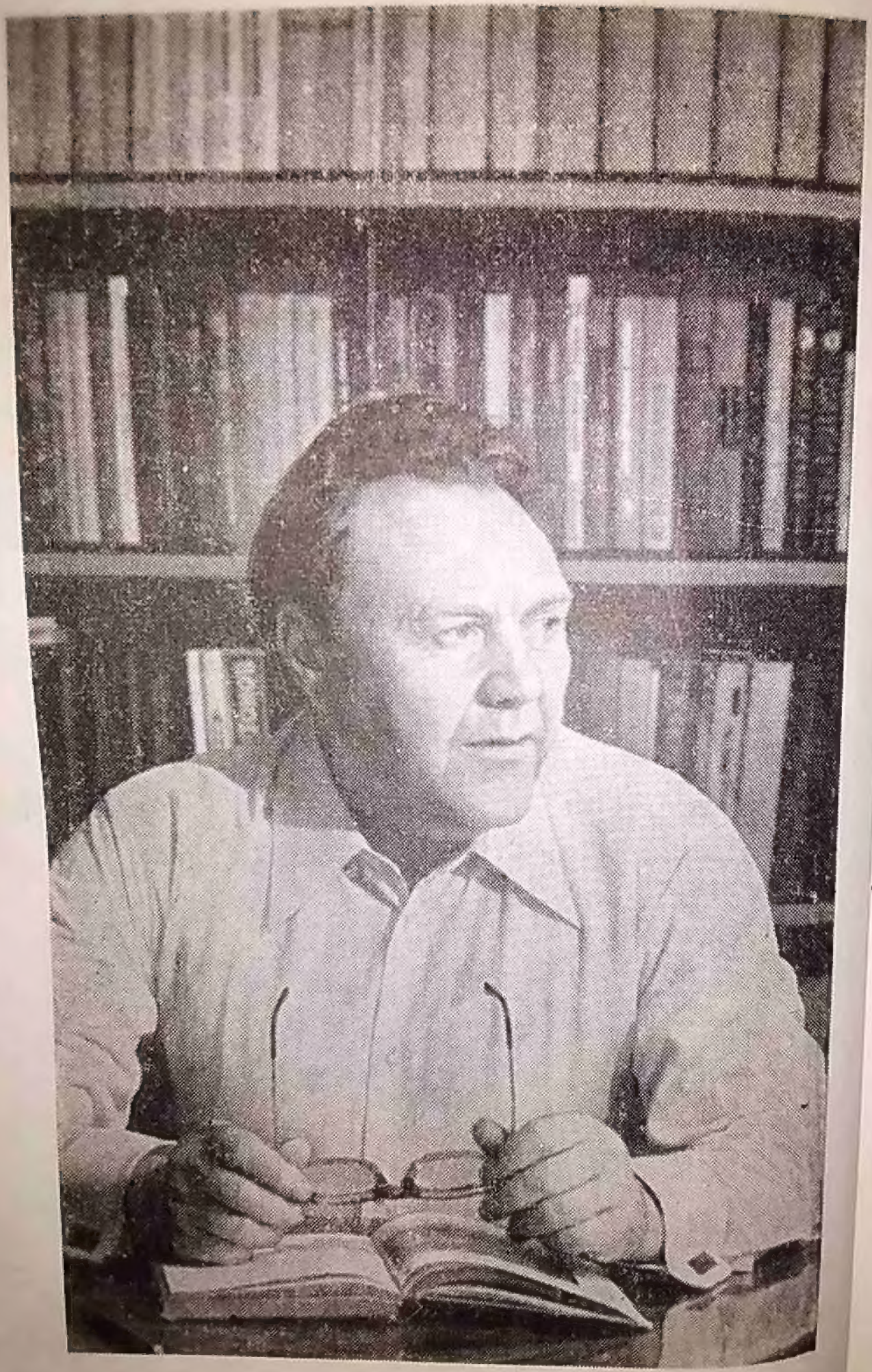
Наталья Нестерова

ЗОЛОТАЯ ПОДКОВА

Николай Палькин

ЗОЛОТАЯ ПОДКОВА



Николай Палькин

ЗОЛОТАЯ ПОДКОВА

СТИХИ

ПОЭМЫ

Саратов
Приволжское
книжное издательство
1977

Р2
П14

Палькин Н.

П14 Золотая подкова. Стихи. Поэмы. Саратов, Приволж. кн. изд., 1977.

224 с. с портр.

В эту книгу поэта включены стихотворения и поэмы, издававшиеся ранее, а также произведения, написанные и опубликованные в периодической печати в 1974—1976 годах.

70402

38-77

Р2

© Приволжское книжное издательство, 1977 г.

СТИХИ

Призывая сам себя на помощь,
Говорю себе я не тайком:
Если ты о матери не помнишь,
Значит, ты не помнишь ни о ком.

Ведь любовью матери согреты,
С редкой страстью все запечатлеть,
Лишь затем рождаются поэты,
Чтобы славу матери пропеть.

Не боясь прослыть единоверцем,
Повторяю, ненавидя ложь:
Если наделен холодным сердцем,
Значит, в нем любовь не разожжешь.

Ведь любовью женщины согреты,
С редкой жаждой все преодолеть,
Лишь затем рождаются поэты,
Чтобы славу женщине пропеть.

Доверяя всем открытым душам,
Говорю я, высветлив чело:
Если ты к отчизне равнодушен,
Значит, ты не стоишь ничего!

Ведь любовью родины согреты,
За нее готовы умереть,
Лишь затем рождаются поэты,
Чтобы славу родине пропеть.

СЕЯТЕЛЬ

Я не искал укрытья тихого,
Я шел навстречу всем ветрам.
И перед тем, как в поле выехать,
Будил я солнце по утрам.

Горячий полдень гладил волосы,
Как в пору звонкой молотьбы.
И за спиной ложились борозды,
Как будто линии судьбы.

Я отдавал, что было смолоду,
Я не жалел заветных дней.
И мне земля платила золотом,
Платила верностью своей.

И понял я над свежей скатертью
Российских солнечных равнин:
Земля тому бывает матерью,
Кто к ней относится, как сын.

ХЛЕБ

Он был нам сладок и несладок,
И за него платил народ
И ранней старостью солдаток,
И поздней радостью сирот.

И партизанскими кострами
В глуши обкуренных лесов,
И деревянными крестами
Могил уснувших в них бойцов.

Я и сегодня, в день счастливый,
В кругу восторженных друзей,
Все слышу гул нетерпеливый
Военных тех очередей.

Что говорить, большие силы
Отдали хлебу мастера.
На это, верно б, не хватило
Ни золота, ни серебра.

Вот почему дрожит от гнева
Моя неровная строка,
Когда хотя бы граммы хлеба
Теряет чья-нибудь рука.

В нем наши пройденные дали
И новый день родной страны,
Мы столько за него отдали,
Что хлебу просто нет цены.

ОБЫЧАЙ

Эти нивы, избы и деревья
Вижу в жизни первый раз всего.
Но меня поволжская деревня
Привечает словно своего.

То налево, то направо глядя,
По весенней улице иду.
Мне кричат мальчишки: «Здравствуй, дядя!» —
Сумками махая на ходу.

Старый дед, насупистый, щербатый,
Поправляя что-то у плетня,
Увидал, взглянул подслеповато,
Снял картуз, приветствуя меня.

Женщина, как бы светясь от счастья,
Цветом платья повторив зарю,
Говорит, слегка смущаясь: «Здрасьте».
«Здрасьте», — я ей тоже говорю.

Не из-за надуманных приличий
Здесь встречают, привечают так.
Это милый сердцу наш обычай,
Щедрости душевной добрый знак.

Я в ответ желаю всем здоровья
И делю восторг свой пополам.
Сердце переполнено любовью
К этим людям, избам и полям.

Я иду под мягкий звон деревьев,
Позабыв о человечьем зле...
Хорошо б не только бы в деревне,
Хорошо б вот так — на всей земле.

СОЛОВЬИ РОССИИ

Когда я шел к тебе подростком
Через луга, через ручьи,
Зажгли во мне любовь к березкам
Твои, Россия, соловьи.

Ко мне любовь пришла в апреле,
Присев на краешек скамьи,
И над моей любовью пели
Твои, Россия, соловьи.

Дымились дальние дороги,
Гремели ближние бои,
Со мной делили все тревоги
Твои, Россия, соловьи.

И, убеленный сединою,
Я вновь иду в поля твои.
Поют пусть вечно надо мною
Твои, Россия, соловьи.

Еще темно, пастушеский рожок
Коров неторопливо окликает.
Такое редко в наши дни бывает:
Откуда он? Кто звук его зажег?

Он стал музейной редкостью давно.
И только где-нибудь в глуши низинной
Порой возникнет зов его старинный
С протяжной русской песней заодно.

Поет рожок, и видно за окном,
Таинственно, как темные поверья,
Колышутся косматые деревья,
Едва рассветным тронуты лучом.

И кажется, из-за горы вон той
Появится царевна молодая.
И, никого уж больше не пугая,
Промчится ступа с бабою Ягой.

Поет рожок, печалясь и смеясь,
И всею удивительною силой
Меж тем, что есть, и между тем, что было,
Живую восстанавливает связь.

Здесь все оплачено волнением души:
И встречи первые, и первые разлуки,
И плач кукушки у речной излуки,
И первый поцелуй в предутренней тиши.

Здесь все оплачено волнением души...
И первой рифмы радостные муки,
И балалайки праздничные звуки,
И песня девичья в березовой глуши.

Здесь все оплачено волнением души...

Как хорошо, что жив отцовский дом,
Половичком прикрыта половица
И яблоня, по-майски белолица,
По-прежнему смеется за окном.

Как хорошо, что жив отцовский дом
И песни, что я слышал с колыбели,
Когда отец и гости тихо пели
За небогатым праздничным столом.

Как хорошо, что жив отцовский дом
И голоса звучат в нем без умолку.
Старик сосед глядит на дом подолгу
И думает о чем-то о своем.

Как хорошо, что жив отцовский дом,
Такой, как был, не ниже и не выше.
И над его покрашенною крышей,
Как при отце, гремит весенний гром.

СТРЕМНИНА

Цвели по берегу кусты.
Река неслась, играя,
Когда с отцом я гнал плоты,
На шест приналегая.

В сиянье утренней зари
Плыла деревня мимо.
И крикнул мне отец: «Смотри,
Там впереди — стремнина».

Недосмотрел, недоглядел,
Ослеп, оглох я словно.
И встали дыбом на воде
И закружились бревна.

И я ловил их дотемна,
Забыв про осторожность.
И понял: дорого она
Обходится, оплошность.

А через месяц как боец,
Как рядовой запаса,
На фронт уехал мой отец,
Я ж за него остался.

Я не забуду никогда,
Как он взглянул на сына.
И я шепнул ему тогда:
«Там впереди — стремнина».

Недосмотрел, недоглядел,
Лихой солдат Егорка.
Взамен отца в холодный день
Пришла к нам похоронка.

Но жизнь сияет в смене дней,
И я живу на свете.
И за себя и за детей
Перед судьбой в ответе.

В сиянье утренней зари
Благославляю сына.
И говорю ему: «Смотри,
Там впереди — стремнина».

Ты как свет в окошке,
Мой любимый край.
Зорька заиграет —
Радость через край.

А завесит туча
Чистое окно —
Сумрачно на сердце,
На душе темно.

❀

По тропинке, протоптанной в детстве,
Мимо тихих вечерних огней
Ты идешь с легкой думой на сердце
За судьбой городскою своей.

После снега земля отдыхает,
С нетерпением ждет посевной
И, тебя провожая, вздыхает,
Словно мать за твоею спиной.

УРОЖАЙ

Из края в край он встал стеною
И зашумел, набравшись сил.
Он сразу нас лишил покоя,
И сна и отдыха лишил.

Но мы об этом не жалеем,
Приравнивая ночи к дням...
Чем он сегодня тяжелее,
Тем легче завтра будет нам.

ДЕД

Ни морозов и ни бурь.
Снег не выбелил дома.
Дед глаза на солнце щурит:
«М-да, сиротская зима».

На бревно присев у хлева,
Делим с дедом самосад.
«Мало снега — мало хлеба,
Есть примета, говорят?»

Отвечает дед, как рубит —
Не привык душой кривить:
«Кто с работой в дружбе будет,
У того и хлебу быть».

КУСТ КАЛИНЫ

Посреди долины
Белый куст калины.
Я спешу навстречу:
— Здравствуй, друг старинный!

Дай-ка на тебя мне
Вдоволь наглядеться.
Вот опять, как в детстве,
Мы с тобою вместе.

Сквозь года, тревоги
Стелются дороги,
По земле не мало
Походили ноги.

Много в жизни было.
Многое уплыло,
Но тебя, друг милый,
Сердце не забыло.

Да и как забыть мне
То, чем я гордился, —
Край, где я родился,
Людям пригодился.

Разве же ты бросишь
То, что в сердце носишь?
Разве позабудешь
То, что насмерть любишь?

Ноч
И п
Рук
В ст

Весе
Как
Рож
Вост

Подн
Весе
Они
Трев

Что з
Что з
То «К
То де

Пока
Отцы,
За сея
Выша

И суд
Востор
«Не то
Довери

Проща
На уго
Идут о
Степен

Ночь, полная огней
И праздничного гуда...
Руками сыновей
В степи творится чудо.

Весенний сев ночной,
Как жизни обновленье,
Рождает у отцов
Восторг и удивленье.

Поднявшись из могил
Весенними ночами,
Они глядят на степь
Тревожными очами.

Что это там за гуд?
Что за огни желтеют?
То «Кировцы» идут.
То дети ваши сеют.

Пока не встал рассвет,
Отцы, как ревизоры,
За сеялками вслед
Вышагивают споро.

И судят голоса
Восторженно тревожно:
«Не только семена
Доверить детям можно».

Прощальный бросив взгляд
На угол свой искошный,
Идут отцы назад
Степенно и спокойно.

ЗАСУХА

«Приезжай, — друзья писали. — Просим».
Собирался, время шло и шло.
Наконец собрался и под осень
Покатил в заволжское село.

Пыль. Жара. Ни облачка на небе.
И с весны ни одного дождя.
Как тут не задуматься о хлебе,
Эту степь душою обводя?

Вылезал из «газика» и с болью
Щупал я пустые колоски.
И при виде выжженного поля
Сердце разрывалось от тоски.

Пыль да сушь — везде одно и то же.
И земля, как в седине, бела.
Щедрый край, суровое Заволжье,
Как твои крестьянские дела?

Неужель опять, как в двадцать первом,
Неужели снова, как тогда,
Полыхнет по нашим по деревням
Черная, голодная беда?

Смерть придет и к детям, и к старухам?..
Но в гостях, и мягок и горяч,
Окатил меня веселым духом
Незаемной выпечки калач.

И к столу размашисто, по-русски,
Худшим опасеньям вопреки
Поманили всякие закуски
И парной баранины куски.

И хозяин, малый моложавый,
Голосом веселым отвердел:
— Не такое время, чтоб держава
Земледельца бросила в беде.

Ссуда есть. Посеяли озимых
Полный клин. Укрыли семена.
Ничего, брат, перебьемся зиму,
Поднажмем и все вернем сполна.

Осмотрел хозяин окруженье
И добавил, обратясь ко мне:
— То ли будет, если орошенье
У себя наладим по весне.

И стаканы двинулись по кругу.
Степняки, довольные собой,
Стали мне рассказывать, как другу,
Про свои дела наперебой.

Разыгралась кровь в горячих жилах,
И виднее стало до конца:
Засуха посевы засушила,
Но ничуть не тронула сердца.

Встала песня и пошла за двери
У большой любви на поводу.
Люди пели, и никто не верил,
Что гремит за Волгою веселье
В этом страшной засухи году.

Для нас не то сегодня диво,
Что блещут золотом поля,
Что снова вдоволь уродила
Нам хлеба добрая земля.

Для нас сегодня дивом стало,
Что в закрома, свежо светясь,
Вода заволжского канала
Пшеницею перелилась.

ДЕТ

Пере
И нел
Что в
Будто

А оно
Затер
Не он
Кнут з

Не оно
Выступ
Лихо е
Вынуту

Не оно
Отверга
И в Хо
Не бояс

Не оно
Открыва
И в ночи
Плачет

Не оно л
От усерд
Детство,
Чувства

ДЕТСТВО ...

Перебрал стихи свои и песни,
И неловко стало оттого,
Что в стихах ни слова нет о детстве,
Будто бы и не было его.

А оно ведь было, да в дороге
Затерялось где-то вдалеке.
Не оно ль, с телеги свесив ноги,
Кнут зажало в маленькой руке.

Не оно ль, откинув головешку,
Выступая из вечерней мглы,
Лихо ест печеную картошку,
Вынутую прямо из золы.

Не оно ли пятками сверкнуло,
Отвергая розовые сны,
И в Хопер отчаянно нырнуло,
Не боясь текучей глубины.

Не оно ль при свете лампы тусклой
Открывает тяжеленный том
И в ночи глухой на печке русской
Плачет над некрасовским стихом.

Не оно ль застыло на уроке,
От усердья высунув язык?..
Детство, детство — радостей истоки,
Чувства нерастраченный родник.

ЗОЛОТАЯ ПОДКОВА

Рассказал ему, что ли, отец,
Иль поверил он дедову слову —
Ищет Петька, лихой сорванец,
За селом золотую подкову.

Каждый день, лишь обед настает
И уроки кончаются в школе,
Он лопату в сарае берет
И опять отправляется в поле.

Та подкова с особой судьбой
И волшебное свойство имеет:
Коль подковы коснется слепой,
То слепой непременно прозреет.

Петька знает про этот секрет,
Петьке этого только и надо:
Потерял свое зренье дед
У пылающих стен Сталинграда.

Потерял, побеждая войну,
Добывая для Петьки победу...
«Я подкову найду и верну,
Я верну наше солнышко деду...»

Дует ветер осенний с реки,
Ходят тучи низки и лохматы.
День, неделя... Одни черепки
Из-под Петькиной брызжут лопаты.

А над Петькиным ухом земляк
То ль больной, то ли в пьяном запале:
— Что ты время изводишь, чудак?
До тебя уж сто раз тут копали.

Ниже к Петьке лицо наклоня,
Замахал он руками, как в драке:
— Про подкову — одна болтовня.
Ну а люди, понятно, все — враки.

Петька даже ответить не мог,
Захлестнула мальчонку обида.
Подкатил к его горлу комок,
Только Петька не подал и вида.

Сдунул с пальцев остатки земли
И пошел, чуть сутулясь, мальчонка.
День.
Неделя...
Но снова в дали
Голубеет его рубашонка.

Осыпаются листья в саду,
И туман завивается в клубы.
«Я найду, я найду, я найду», —
Твердо шепчут мальчишечьи губы.

Роет Петька, уйдя за версту,
Не поддавшись обидному слову.
Он по-прежнему верит в мечту
И по-прежнему ищет подкову.

ПОЗДНЯЯ ВЕСНА

Весна немного опоздала.
Ее все ждали, но она
Стояла на дороге талой
Невозмутимо холодна.

Молчала, сонная, подолгу,
Не открывая синих глаз.
Она не раз сбивала с толку
И обнадеживала нас.

Она грачей вернула с юга.
Потом как будто бы со зла
Дохнула леденящей вьюгой
И чернокрылых подвела.

Мрачнел с ее согласья север,
И ветер становился злей,
А мы все думали о севе,
А мы все ждали теплых дней.

Когда ж вздохнули безнадежно:
Мол, не собьет весна мороз,
Она водою придорожной
Плеснула вдруг из-под колес.

Ну и пошло, и заходило!
Через неделю трактора
Она азартно заводила
И выводила со двора.

Как будто разожгла где печку...
Лучи раскосые дробя,
Так допекла беднягу-речку,
Что речка вышла из себя.

Проступком не смутясь нимало,
С одним стремленьем жить и жить,
Грачам вить гнезда приказала,
А нам пахать и боронить.

Встречая дни весны, что были
Неповторимо хороши,
Мы опозданье ей простили
За жар раскрывшейся души.

Воспитанный на этом с детства,
Я отвечаю до конца
За Родину свою, в наследство
Доставшуюся от отца.

Как в доме, где всему начало,
Где я хозяин, а не гость.
В своей стране я отвечаю
За каждый вздох и каждый гвоздь.

И в мысль тревожную так часто
Мое толкается перо:
Не растранжирить бы богатство,
Не разбазарить бы добро.

Бывало, как увижу в детстве
Дорогу, поле, огоньки,
Не усижу никак на месте
От не понятной мне тоски.

Ночная веяла прохлада,
Туманы плыли по лесам...
Чего-то сердцу было надо,
Чего, не понимал и сам.

Забыв, что я расту мужчиной,
Что я строитель и солдат,
Готов был плакать без причины,
Идти куда глаза глядят.

Тогда не мог понять, ей-богу,
По несмышленности своей,
Что это жизнь звала в дорогу,
В просторы Родины моей.

ВЕЧЕР

Заботясь о ночевке, гуси
На речке кончили нырять,
За домом ветер потянулся,
Зевнул и лег в картошку спать.

И вслед за этим тихий вечер
Прошел неслышно вдоль дорог,
Забрался тополю на плечи
И первую звезду зажег.

Прокрался в синее залесье,
Немного постоял в тени,
Луну под облако подвесил
И засветил в домах огни.

А после долго-долго слушал,
Ревниво сторожа покой,
Как про знакомую Катюшу
Девчата пели за рекой.

СТРАДА

И снова я
Об этом чи
Об оживле
Пишу о мо
О комбайне
Моих искон

Еще и зорьк
Как все кру
Комбайны, ж
Гудит маши
Тут все сдру
Уборки страд

Вот комбайне
Из-под фураж
Упал на загор
Вот трактори
В солдатской
Седой, бывалы

Заря кругом в
Поет ДТ-54,
Поет о чем-то
Ячмень в валка
Но подхватил е
И бункер полни

«Страда!» — бес
Она пришла в я

2 Заказ 2197

СТРАДА

1

И снова я пишу о хлебе,
Об этом чистом русском небе,
Об оживленье на токах,
Пишу о молодых и старых,
О комбайнерах, кашеварах —
Моих исконных земляках.

Еще и зорька не всходила,
Как все кругом заговорило:
Комбайны, жатки, трактора.
Гудит машин стальная сила.
Тут все сдружила и сроднила
Уборки страдная пора.

Вот комбайнер совсем безусый,
Из-под фуражки волос русый
Упал на загоревший лоб.
Вот тракторист в дыму махорки,
В солдатской старой гимнастерке,
Седой, бывалый хлебороб.

Заря кругом все шире, шире.
Поет ДТ-54,
Поет о чем-то о своем.
Ячмень в валках усы топорщит,
Но подхватил его подборщик,
И бункер полнится зерном.

2

«Страда!» — бессонная забота,
Она пришла в язык народа

2 Заказ 2197

От слова древнего «страдать».
Страда былая — слезный голос,
На тощем поле — тощий колос,
Людей надломленная стать.

Теперь страда совсем иная,
Она как праздник урожая
И человеческой красы.
О, как далек мой край богатый
От той некрасовской несжатой,
Забытой богом полосы.

...Сияет день, гудят моторы.
А на току пшеницы горы,
Степного золота литье.
И если кто-то здесь страдает,
Лишь оттого, что уступает
В работе первенство свое.

3

Горячий полдень. Жарко. Сухо.
Щи приготовила стряпуха —
Пойди такие поищи!
И вот уж за столами говор —
Почет особый комбайнерам —
«С доставкой на дом» будут щи.

У тракторной дощатой будки
Порхают шутки-прибаутки,
И смех звучит накоротке.
Пришел парторг. И для парторга
Готова шутка: «Что так долго?
Оставим на сухом пайке!»

И вот уже течет беседа
О хлебе, о делах соседа,

О космо
— А ка
— Все р
Смолкли
Лишь тр

Молчат
Молчит
Смахнули
Но жатва
Выходят
Вдыхая в
Идут на д

Сгустилась
Сверкают
Но степь д
Трехтонки
Который ра
Литого кру

Шофер бере
Он в степь в
Едва наметн
Он едет в го
Его девчата
И долго-долг

О космосе, о целине.
— А как над океаном бомбы?
— Все рвутся...
Смолкли хлеборобы,
Лишь трактор слышно в стороне.

Молчат ребята и девчата,
Молчит сурово вся бригада,
Смахнули крошки со стола...
Но жатва ждет.
Выходят люди,
Вдыхая воздух полной грудью,
Идут на добрые дела.

Сгустилась ночь, и над пшеницей
Сверкают дальние зарницы,
Но степь движения полна.
Трехтонки высоченный кузов
Который раз наполнен грузом
Литого крупного зерна.

Шофер берется за баранку.
Он в степь вернется спозаранку,
Едва наметится рассвет.
Он едет в город с урожаем.
Его девчата провожают
И долго-долго смотрят вслед.

ТЫ НИ О ЧЕМ МЕНЯ НЕ СПРАШИВАЙ

Пришла пора свиданья нашего.
Погас последний луч зари.
Ты ни о чем меня не спрашивай
И ни о чем не говори.

Нам хорошо вдвоем под вишнями
Молчать и час и два подряд.
Слова всегда бывают лишними,
Когда сердца заговорят.

Так близко нам до счастья нашего.
Смотри в глаза мои, смотри.
И ни о чем меня не спрашивай,
И ни о чем не говори.

КА

Спе
Спе
Нак
Снег
И ко
И за

Эх, к
И на
Поля
И небе
И, зим
Мы ед

Как я
И как
Об этом
Звенят
Дороги-
Нам сте

Зря пря
Ты губы
Лицо ру
Бьет вете
Не бойся
Когда я

Эх, верст
Снежинки
Ах, как до
Поймн меч
О чем я ду
О чем поет

КАК Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ

Спеши, хорошая,
Спеши, пригожая,
Накинь пуховый свой платок.
Снега пушистые,
И кони быстрые,
И замечательный денек.

Эх, кони-вороны!
И на все стороны
Поля широкие видны,
И небо ясное,
И, зиму празднуя,
Мы едем в гости на блины.

Как я люблю тебя
И как я жду тебя,
Об этом знаешь ты сама.
Звенят бубенчики,
Дороги-ленточки
Нам стелет русская зима.

Зря прячешь яркие
Ты губы жаркие,
Лицо румяное открой.
Бьет ветер молодо,
Не бойся холода,
Когда я рядышком с тобой.

Эх, версты-перстючки,
Снежинки-звездочки.
Ах, как дорога хороша!
Пойми мечту мою,
О чем я думаю,
О чем поет моя душа.

Для нас, хорошая,
Для нас, пригожая,
Горит зима во всей красе.
Зачем нам прятаться?
Хочу я свататься.
Пускай об этом знают все.

Вдвоем останемся
И не расстанемся
С тобой нигде и никогда.
Снега пушистые.
Мчат кони быстрые.
А впереди у нас года.

Как я люблю тебя
И как я жду тебя,
Об этом знаешь ты сама,
Звенят бубенчики,
Дороги-ленточки
Нам стелет русская зима.

НЕХО

Все х
Сам с
Ой ка
Жизни

Прики
Мне ра
Ой как
Жить с

Шел до
Я с дру
Ой кака
Все ты

Пропада
Ты живе
Ой какая
Нет мне

НЕХОРОШАЯ

Все хожу вокруг да около,
Сам себя не узнаю.
Ой какая ты жестокая,
Жизнь испортила мою.

Прикипел к тебе навечно я.
Мне разлука — острый нож.
Ой какая бессердечная,
Жить спокойно не даешь.

Шел дорожкою нахоженной
Я с другими наравне.
Ой какая нехорошая,
Все ты спутала во мне.

Пропадает сердце бедное,
Ты живешь, меня губя.
Ой какая же ты вредная,
Нет мне жизни без тебя.

ЖЕНЩИНА

Все умеет: и петь и плясать,
Благородством владеть и коварством.
Все умеет: и шить, и стирать
И еще управлять государством.

Все умеет: страдать и любить,
Быть судьбою и горькой и сладкой.
И умеет понятною быть,
Навсегда оставаясь загадкой.

О ЛЮ

Как м
Как бу
Как бу
Кипяш

Как бу
Как бу
Как бу
Все зас

Как мал
Как буд
Как буд
От глаз

Как будт
В лихой
Как будт
Я на земл

О ЛЮБВИ

Как мало нынче пишут о любви,
Как будто бы любовь уже не диво.
Как будто время переохладило
Кипящие волнения в крови.

Как будто измельчал сам человек,
Как будто бы не он поднялся к звездам,
Как будто со своим могучим ростом
Все заслонил наш суматошный век.

Как мало нынче пишут о любви,
Как будто бы любовь уже не чудо,
Как будто сердцу не бывает худо
От глаз твоих, от губ твоих вдали.

Как будто на душе не чернота
В лихой разлуке без тебя, заветной,
Как будто без любви твоей ответной
Я на земле не круглый сирота.

Понимаешь, не по случаю,
Так уж выпало судьбе:
Сорок дум ночами мучают,
И все думы о тебе.

Дума первая и главная
И на долгие года —
Чтобы ты меня, желанная,
Не забыла никогда.

А вторая, неделимая,
Сохраняющая пыл, —
Чтоб и я тебя, любимая,
Не дай бог, не разлюбил.

Да, такие вот нередкие
Бродят думы в голове.
Остальные — тоже крепкие
И точь-в-точь как первых две.

Есл
Ил
Буд
Всп

Или
Поб
Ты с
С мы

Значи
Славн
О теб
Где-ни

❀

Если утром рано
Или среди дня
Будто бы случайно
Вспомнишь про меня.

Или поздней ночью,
Побывав во сне,
Ты опять проснешься
С мыслью обо мне.

Значит, в это время,
Славная моя,
О тебе вздыхаю
Где-нибудь и я.

Потерял буран шапку белую.
В чистом поле темным-темно.
Если б знал, что счастливой сделаю,
Я увел бы тебя давно.

От него ли от мужа стойкого,
От свекровьиной суеты.
Только где же взять снегу столько-то,
Чтобы наши замел следы?

Не в лесу живем — люди около,
Люди около и вокруг.
Мы еще не раз вспомним сокола,
Дорогой ты мой, верный друг.

Как начнут все на нас показывать,
Не поникнешь ли головой?
Как начнут все про нас рассказывать,
Не заплачешь ли ты со мной?

Не уронишь ли гордость смелую?
Мне-то это не все равно...
Если б знал, что счастливой сделаю,
Я увел бы тебя давно.

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Первый снег как первая страница.
Что на нем сегодня отразится?
Чьи на нем, иль робки иль тверды,
Первые останутся следы?

Кто всерьез сегодня, не на шутку,
Даст с утра начало первопутку?
Кто тропинку первую пробьет,
За собой идущих поведет?

Что сойдет к нам с первой той страницы:
Волка страх иль плутовство лисицы?
Иль возня и озорство ребят,
Чьи снежки друг в друга полетят?

Может быть, случится и такое,
Что пойдут по снегу двое.
Перед ними первая верста,
И вся жизнь, как первый снег, чиста.

Он руками жаркими своими
На снегу ее напишет имя,
Имя неизвестной никому,
Имя заслонившей мир ему.

МОЛИТВА

Неверующий в бога,
Иконы не любя,
С великою надеждой
Молюсь я на тебя.

О ниспошли мне силы
Для наших дел благих,
Чтоб их как можно дольше
Хватило на двоих!

Чтобы в часы работы
Или в часы утех
От неудач случайных
Всегда спасал бы смех.

И чтоб от всех болезней,
Студящих нашу кровь,
Единственным лекарством
Была б у нас любовь.

И чтобы в искупленье
Содеянных грехов
Я б не умел отныне
Писать плохих стихов.

ЗАВ

От л
Пят
Заве
В эт

И то
И ни
И с
Жигу
Не да
Ты пл
Мимо
Пряме

У Сар
Разгов
Выйде
Та, зав

Шаг не
Брови
Пробег
Не найд

Лишним
Зря ни
Вот она
И навстр

Обними е
Не пугая,
Расцелуй
И скажи,

ЗАВЕТНАЯ

От любимой, одиноко,
Пятый день живу вдали.
Завела командировка
В эти горы Жигули.

И тоскую, и вздыхаю,
И никак я не усну,
И с приветом посылаю
Жигулевскую волну.
Не далеко и не близко
Ты плыви, волна, плыви
Мимо города Хвалынска,
Прямо к городу любви.

У Саратова, где длятся
Разговоры соловья,
Выйдет утром искупаться
Та, заветная моя.

Шаг неспешный, взгляд неколкий,
Брови легкою дугой.
Пробеги ты по всей Волге,
Не найдешь такой другой.

Лишним словом не обидит,
Зря ни в чем не упрекнет.
Вот она тебя увидит
И навстречу поплывет.

Обними ее за плечи,
Не пугая, не дразня,
Расцелуй ее ты крепче
И скажи, что за меня.

ГРАЧИ ПРИЛЕТЕЛИ

Какой-то житейский пустяк
Лишил нас с тобой равновесья.
И сразу все стало не так,
И стала ненужною песня.

Ничтожной обидой живем,
Толкуем о ней как о деле...
А я-то хотел не о том:
Ты знаешь — грачи прилетели.

Я видел, вернулись опять
В свои незабытые гнезда...
Обида? Обиду унять
Конечно не так-то уж просто.

Вот жжет она душу огнем,
Да так, что душа на пределе...
А я-то хотел не о том:
Ты знаешь — грачи прилетели.

ПОСВЯЩЕНИЕ

Весна открыла двери маю,
И, очарованный весной,
Я эту песню посвящаю
Тебе одной, тебе одной.

Пускай она любовь разбудит,
Пускай расскажет в тихий час
О том, что есть, о том, что будет,
О том, что ждет с тобою нас.

И ты поймешь в минуты эти
С тревожной радостью в груди,
Что без тебя на белом свете
Мне нет пути, мне нет пути.

Весна открыла двери маю,
И все цветет в родном краю.
Тебе я песню посвящаю
И жизнь свою, и жизнь свою.

ДИВО

Все глядят на тебя как на диво.
Ты и вправду собой хороша.
По каким ты дорогам ходила,
Где ты брови такие нашла?

Даже сердце сильней застучало,
Даже стало душе веселей
От походки твоей величавой
И от гордой осанки твоей.

За работу возьмешься, отдашь ты
Ей всю душу, волненьем кипя.
Не случайно старается каждый
Хоть чуть-чуть быть достойным тебя.

Не случайно, когда ты дорогой
Мимо окон пройдешь и дверей,
Смотрят жены особенно строго
На своих небезгрешных мужей.

Где ты руки нашла золотые,
Чистый пламень души молодой?
А придумали, будто в России
Люди стали бедней красотой.

Неужель душа твоя страдает,
Что в осенних отблесках луны
Вновь себя березка раздевает, —
И бедняжке зябнуть до весны?

Мне уже давно сказать хотелось,
Догадаться б и сама могла:
Если бы березка не разделась,
Никогда б она не зацвела.

ОСЕННИЙ СТОГ

У той речушки безымянной,
Похожей больше на ручей,
И одинокий и печальный,
Стоит он в памяти моей.

В неповторимый свежий вечер
С луною белою вдали
Он так обрадовался встрече,
Когда к нему мы подошли.

Шуршало что-то на тропинке,
Плескалось что-то на реке.
И тень пугливая травинки
Дрожала на твоей щеке.

Как бы исполненный величья,
Нас взял к себе осенний стог
И заслонил от злоязычья
И спрятал твой стыдливый вздох.

Под небом осени огромным
Как бы на дне, как бы в глуби,
Он дал приют сердцам бездомным,
Приют смятенью и любви.

Он был так полон к нам участья,
Молчал собою нас прикрыв,
Когда ты плакала от счастья,
Про все на свете позабыв.

А ДЕ

Куда
Оно м
Я раз
У нас

А ден
И шум
И гро
На ст

Пока т
Кого-т
Я слуш
И раск

Окно с
И у ка
Я дума
И, как

И вспом
Земляк
О девуш
Распяты

Я в тот
Распятое
И все во
Невыноси

И я — к
И сразу с
Разок, дру

А ДЕНЬ СИЯЛ...

Куда свое воображенье дену?
Оно мне столько причиняет зла...
Я раз в райком зашел к тебе по делу,
У нас всегда есть важные дела.

А день стоял весенний, суматошный,
И шум и гам летел со всех сторон.
И громко, по-весеннему тревожный
На столике трезвонил телефон.

Пока ты с кем-то долго говорила,
Кого-то и ругая и хваля,
Я слушал, как весна свое творила
И раскрывалась перед ней земля.

Окно сияло в майской позолоте,
И у карниза булькало в трубе...
Я думал о райкомовской работе
И, как всегда, конечно, о тебе.

И вспомнил: под свинцовыми дождями
Земляк мой миру сообщал в стихах
О девушках, библейскими гвоздями
Распятых на райкомовских дверях.

Я в тот же миг твое увидел тело
Распятое... И город наш в огне...
И все во мне как будто помертвело,
Невыносимо душно стало мне.

И я — к окну.
И сразу створки настежь.
Разок, другой вздохнул, и отлегло...

А ты и не заметила, по счастью,
Того, что в этот миг произошло.

По-прежнему с улыбкой говорила,
Кого-то и ругая и хваля...
И вновь я слушал, как весна творила
И раскрывалась перед ней земля.

Весь мир сиял в цветенье и круженье,
Вокруг вершилось жизни торжество.
Проклятое мое воображенье!
Но чтобы мог я делать без него?

ТЫ

Куда ни
И нет мне
Напомина
И теплый

Едва прос
Склоняеш
Взойдет з
Зима прид

Тем и жив
Леча свои
И уж за то
Что нет мн

ТЫ

Куда ни гляну: ты и только ты,
И нет мне от тебя нигде спасения.
Напоминают о тебе цветы,
И теплый дождь, и облака весенние.

Едва проснусь, ты снова надо мной
Склоняешься, моя неотразимая.
Взойдет заря — ты светишься зарей,
Зима придет — ты словно сказка зимняя.

Тем и живу, о том и говорю,
Леча свои тревоги и сомнения.
И уж за то судьбу благодарю,
Что нет мне от тебя нигде спасения.

Посмотри, заря нам бросила
Драгоценности свои.
И для нас лесное озеро
Разбудили соловьи.

Нам с тобой такое на руку,
Просыпайся поскорей!
Мы пойдем, наловим к завтраку
Златобоких окуней.

Тихо с весел капли падают,
Тень легла у тростника,
И под лодку под дощатую
Подплывают облака.

Берега зеленым вышиты,
Синим — заводь за кутой.
Не качайся в лодке, тише ты,
Клев начался, да какой!

Поплавок пошел стремительно.
Что-то блещет вдалеке.
То ли окунь ослепительный,
То ли солнце на крючке?

Разма
Стрем
Что у
Нельзя

У лета
Оно ме
Меж те
В мелы

Вот осе
И в поче
И даже
Читаем

Размашиста весны рука,
Стремителен бегущий почерк.
Что у нее там между строчек? —
Нельзя прочесть наверняка.

У лета почерк поясней.
Оно мелькает — путь недолог.
Меж тем все меньше недомолвок
В мельканье теплых, тихих дней.

Вот осень грянула уже,
И в почерке раздумий зрелость,
И даже то, что не хотелось,
Читаем с грустью на душе.

Затихло лето, опустело поле.
Последняя добита борозда.
Певцов залетных не услышать боле:
Ни соловья, ни сойки, ни дрозда.

Зато поет осенняя синица —
Подруга хмурых, непогожих дней.
Чем глуше осень, тем сильней резвится,
Чем дни суровей, тем она милей.

Так у
Уйдя
Самих
Мы сл

А в су
Иль ве
Когда
Прислу

Так утром всегда бывает:
Уйдя от собственных дум,
Самих себя забывая,
Мы слушаем уличный шум.

А в сумерках с просом звездным
Иль ветром осенним в трубе,
Когда уже слишком поздно,
Прислушиваемся к себе.

Отказался от вина и чаю...
Не впервые так в моей судьбе:
При тебе тебя не замечаю,
Без тебя тоскую о тебе.

Извини за откровенность мысли.
Откровенность — это не беда...
Вот живешь, не замечая жизни.
Ну а жизнь отнимут — что тогда?..

ЗАЧЕМ МЫ ССОРИЛИСЬ?

Зачем мы ссорились,
Зачем мы спорили,
Зачем, любимый мой,
Опять повздорили?
За лесом утушка
Весь вечер крякала.
Ты горько хмурился,
Я горько плакала.

Зачем друг друга мы
Опять обидели?
К нам месяц ластился,
А мы не видели.
Зачем из сердца мы
Друг друга выжили?
Нам пел соловушка,
А мы не слышали.

Зачем нам искоса
Глядеть-поглядывать,
Зачем самих себя
Вот так обкрадывать?
Винить нам некого,
Судить нам некого
И вовсе не к чему
Пенять на зеркало.

Коль будем ссориться,
Что с нами станется?
На счастье времени
Нам не останется.
А годы катятся
И не прощаются.
И никогда они
Не возвращаются.

Дымится теплая вода,
Лягушки весело картавят...
Ни расстоянья, ни года
Забыть об этом не заставят.

И можно ли забыть о том,
Как поле отдает теплынью
И как восходит над холмом
Луна, похожая на дыню.

Как, дальний свет в реке дробя,
Звезда приветливо мигает,
И где-то молодость тебя
Все окликает, окликает.

БЕЛЫ

Над Н
Плыву
И мне
Белые

Ты пом
Казало
И были
Белые

Но муж
И плечы
Тогда т
И белы

Так вып
За то, ч
За то, ч
Белые н

БЕЛЫЕ НОЧИ

Над Невским проспектом качаясь плывут,
Плывут над заставою нашей рабочей
И мне позабыться никак не дают
Белые ночи, белые ночи.

Ты помнишь, товарищ, дороги войны.
Казалось, что выстоять нет больше мочи,
И были от горя и гнева черны
Белые ночи, белые ночи.

Но мужество наше развеяло тьму,
И плечи расправил наш город рабочий.
Тогда тишину мы вернули ему
И белые ночи, и белые ночи.

Так выпьем, товарищ, за наши года,
За то, чтоб сияли любимые очи,
За то, чтобы белыми были всегда
Белые ночи, белые ночи.

ГОРИТ ЗАРЯ

Горит заря, поют девчата,
Поют девчата о любви.
И не поверишь, что здесь когда-то
Гремели жаркие бои.

Погас последний луч заката,
В кустах защелкал соловей.
И не поверишь, что здесь когда-то
Теряли мы своих друзей.

Ромашкой пахнет, пахнет мятой,
Роса ложится на лугах.
И не поверишь, что здесь когда-то
Я был от смерти в двух шагах.

Молчит река у переката,
Мерцает звездочка вдали...
И не поверишь, что здесь когда-то
Мы от врага Москву спасли.

До хр
О пол
Гадае
А он,
Стоит
С недо

3 Заказ 2197

До хрипоты порою спорим
О положительном герое,
Гадаем, где же он сейчас.
А он, пока о нем так спорят,
Стоит и слушает и смотрит
С недоумением на нас.

3 Заказ 2197 65

ЧТО ХОТИТЕ ГОВОРИТЕ

Полюбил меня один —
Ни на шаг не отходи,
Молодежь поет, танцует,
А ты сторожем сиди.

Чем ревнивого любить,
Лучше век одной ходить,
Что хотите говорите,
Лучше век одной ходить.

Полюбил меня другой,
Обходительный такой,
Золотое наше поле
Обходил он стороной.

Чем ленивого любить,
Лучше век одной ходить,
Что хотите говорите,
Лучше век одной ходить.

Третий, верите иль нет,
Запирался в кабинет,
Согласовывал с начальством:
Целовать меня иль нет.

Чем чиновника любить,
Лучше век одной ходить,
Что хотите говорите,
Лучше век одной ходить.

А четвертый, вот беда,
Не был трезвым никогда,
Называл меня Марусей
И Наташей иногда.

Чем н
Лучше
Что хо
Лучше

Пятый
Провод
Пошут
А жени

Что мне
Нелегко
Что хот
Нелегко

Чем нетрезвого любить,
Лучше век одной ходить,
Что хотите говорите,
Лучше век одной ходить.

Пятый встретился со мной.
Проводил меня домой,
Пошутил, расплел мне косы,
А женился на другой.

Что мне делать, как мне быть?
Нелегко одной ходить.
Что хотите говорите,
Нелегко одной ходить.

У возраста свои законы,
Свои одежды и глаза:
Пугает в детстве бор зеленый,
Волнует в юности гроза.

Зима в накидке белоснежной
И та приходит чередой:
К одним — снегурочкою нежной,
К другим — старухою седой.

На ел
И мал
И рад
И витя

И всяк
И блещ
На елк
Да годы

На елке все те же игрушки:
И мальчик с волшебным ключом,
И радость ребячья — хлопушки,
И витязь с картонным мечом.

И всякие чудо-зверушки,
И блещущий дождь проливной,
На елке все те же игрушки,
Да годы не те за спиной.

Слегка обиженная чем-то,
Метель вздыхает у ворот.
Уж поздний час, но мне Шевченко
Никак забыться не дает.

Вчера учительница в школе
Стихи читала про Сову.
Я не могу себе без боли
Представить бедную вдову.

Ту, что от горя помешалась.
Мне так беда ее близка.
И оттого на сердце жалость
И непонятная тоска.

Я весь поддался этим чувствам.
И как, уже не помню сам,
О чем-то горестном и грустном
Стихи в тот вечер написал.

Верней сказать, я неумело
Сложил каких-то восемь строк.
Такое на душе кипело,
Что не сложить я их не мог.

И с той поры как память века,
Годам суровым вопреки
Живут во мне стихи Шевченко
И первые мои стихи.

Опят
Мете
Мне
Ника

Ах, м
Уже
Куда
Мои з

Гармо
Да с
Не отв
Ты раз

Ах, мам
Ты пои
Не даш
Я босик

Пускай
Там кан
Мне обя
С ним на

Ах, мама
Ведь я,
Ты не де
Я помере

Метет ме
Бела вся
Не бойся,
Там не за

МЕТЕЛИЦА

Опять по улице
Метет метелица.
Мне выйти из дому
Никак не терпится.

Ах, мама, маменька,
Уже полпятого.
Куда ты валенки
Мои запрятала?

Гармонь ударила
Да с переборами.
Не отвлекай меня
Ты разговорами.

Ах, мама, маменька,
Ты поимей в виду:
Не дашь мне валенки,
Я босиком уйду.

Пускай метелица
Там канителится,
Мне обязательно
С ним надо встретиться.

Ах, мама, маменька,
Ведь я, поверь, не лгу,
Ты не держи меня:
Я помереть могу.

Метет метелица.
Бела вся улица.
Не бойся, дочь твоя
Там не заблудится.

Она ведь вся в тебя —
Твоя бессонница,
Ни перед чем она
Не остановится.

Ты
И н
И за
И тр

Ты м
Волн
Пока
Кото

Ты мысль буди, пока она не встанет
И над тобой, сияя, не взойдет,
И за собой другую не потянет,
И третью за собой не поведет.

Ты мысль буди, пока она не встанет
Волнуя, обжигая и знобя,
Пока сама той силою не станет,
Которая будила бы тебя.

КРЫЛЬЯ ПАМЯТИ

1

Могучи крылья памяти людской.
Я с ними оказался под Москвой
На восемьдесят пятом километре
Стремительного минского шоссе.
Здесь летом зелень буйствует в росе,
Пылают клены при осеннем ветре.

Теперь зима.
В сиянии зимы
Дорога, перелески и холмы.
И столбик на автобусной стоянке.
И жердями прихваченный стожок.
И кружится порхающий снежок
Над памятником юной партизанки.

Да, подвигам в сердцах забвенья нет.
Светла стезя народного героя.
Встает рассвет.
Сойди на землю, Зоя.
Сойди, оставь на время постамент.
Мне хочется поговорить с тобой,
Как со своею собственной судьбой.

Спусти
Мы по
Где в
Где сл
Скорог
Там вп
Петриц
Послед
Последн
Последн

Тревожн
Я с ним
...Горит
Чернеет
Ты по сн
Штык чу

В крови
Боль запе
Я о тебе
Ни думат

Смерть ни
В сердцах
Ты для ме
Неистреби

Давай у эт
Взгляни, ов
А рядом с
Как будто

Люблю я сл
В нем столь

2

Спустись на землю,
Мы пойдем туда,
Где в инее провисли провода.
Где слева от проселочной дороги
Скороговорку пробуют сороки.
Там впереди знакомое селенье
Петрищево — еловое шитье —
Последний шаг,
Последнее мгновенье,
Последнее дыхание твое.

Тревожны крылья памяти людской.
Я с ними в сорок первом под Москвой.
...Горит заря, прощально угасая.
Чернеет лес обугленной стеной.
Ты по снегу едва идешь, босая,
Штык чужеземца чувствуя спиной.

В крови рубаха, ноги в кровь истерты,
Боль запеклась, уста не отворить...
Я о тебе сегодня как о мертвой
Ни думать не могу, ни говорить.

Смерть ни при чем, когда ты вместе с нами.
В сердцах — не только в камне под Москвой.
Ты для меня пылающее знамя
Неистребимой верности людской.

3

Давай у этой елки постоим.
Взгляни, она высокая какая.
А рядом с ней такая же другая,
Как будто бы зеленый к небу дым.

Люблю я слушать их еловый шум.
В нем столько тайных и глубоких дум.

Люблю гадать, какие это думы.
О чем они?
Добры они иль злы?
Деревья то таинственно-угрюмы,
То радостно прозрачно-веселы.
Они как люди.
Лишь не говорят.
О том, что раны старые болят,
Что болью отзываются во сне
Порой воспоминанья о войне.

Вот эта ель, она тебя видала,
Она тебя собою прикрывала,
Теперь бы ей игрушек хоровод,
Как в школе, дать, дождем полить блестящим.
Под ней с друзьями встретить Новый год,
Немного погрустив об уходящем.

4

Здесь, в Подмосковье, Зоя, что ни шаг —
История.
И у меня в ушах
Дробится ржанье платовских коней.
В глазах — мерцанье сабель и огней.
Я слышу бой на поле Бородинском.
Как это все и далеко и близко.
Петрищево, Можайск, Бородино —
Все это для меня слилось в одно.
Названия заветных мест державы
Как символы отечественной славы.

Из книг ты помнишь августовский день
Над пеплом обожженных деревень,
Как Пьер Безухов пеший вдоль собора,
И ныне украшающего город

Можайск,
И только з

Все это бы
Отсюда, во
Ты сделала
От молодос

Давай сверн
Ту аллею
Ты видишь?
Дальше тал
Размашисты
Горят, как п
Мы возле ни
Уже мороз б

Я расскажу,
Свернем, пож
Народом ты
Твое неостыва
Народ дружи
Кто б у шоссе
Никто спокойн

Пройдет стару
Иная женщина
Бывает, остано
И подчеркнут
А пионеры отда
Никто спокойны

Можайск, в полки Кутузова спешил.
И только этим и дышал и жил.

Все это было в тридцати верстах
Отсюда, вот, где свой последний шаг
Ты сделала при людях без боязни
От молодости к месту страшной казни.

5

Давай свернем с дороги.
Ту аллею
Ты видишь?
Дальше тальники алеют.
Размашисты, тревожны и остры,
Горят, как партизанские костры.
Мы возле них погреемся, поскольку
Уже мороз бесчинствует знобя.

Я расскажу, как люди чтут тебя.
Свернем, пожалуй, вот сюда, в сторонку.
Народом ты по-прежнему любима.
Твое неостывающее имя
Народ дружинам пионерским дал...
Кто б у шоссе тебя не увидал,
Никто спокойно не проходит мимо.

Пройдет старуха и, крестясь, вздохнет.
Иная женщина слезу смахнет.
Бывает, остановятся солдаты
И подчеркнут молчаньем боль утраты.
А пионеры отдадут салют.
Никто спокойным не бывает тут.

6

Ты видишь, Зоя, под Москвой — морозы.
И потому ни лилии, ни розы
Я не принес.
Но стуже вопреки
Прошу,
Возьми, пожалуйста, стихи.
Они, когда озябнешь, обогреют
И, может, думы девичьи навеют.

Была недолгой встреча на рассвете.
Прости!
Прощай!
Пора
расстаться нам.
Тебе — на постамент,
Тебе — в бессмертье.
А я пойду к земным своим делам.
Туда — домой, где поле ветровое,
Где снег зимой, а летом рожь да рожь...

Я кланяюсь тебе.
Спасибо, Зоя,
Что ты свой бой по-прежнему ведешь.
Не дай забыться,
Если успокоюсь,
Меня ты стороной не обойди.
Приди ко мне,
Явись ко мне как совесть
И чувства, коль задремлют, разбуди.

И укрепи ослабнувшие силы,
Чтоб в сердце яро пламенела кровь,
Чтоб в нем до самой смерти не остыла
К отечеству великая любовь.

Скажи,
В этом
Ты был
Ты виде
Какое з
Лишь в
Оно над
Сверкае
Своей гл

Ты слыш
Листвы
Молочны
Рвал на
Пойди ок
Синевы з
В глазах
Синие вс

А если ты
Кудрявые
Ищи их в
Океане зе
Там кажде
Сваха-весь
Надолго л
Покоя и с

В поля заг
Где от кра
Высокие во
Шумят, убе
Подумай на
И сердцем

Скажи,
В этом крае
Ты был или не был,
Ты видел,
Какое здесь чистое небо?
Лишь выйдешь из дома,
Оно над тобой
Сверкает и плещет
Своей глубиной.

Ты слышал
Листвы опадающей шорох,
Молочные лилии
Рвал на озерах?
Пойди окунись,
Синевы зачерпни,
В глазах твоих
Синие вспыхнут огни.

А если ты любишь
Кудрявые клены,
Ищи их в лесном
Океане зеленом,
Там каждое деревце
Сваха-весна
Надолго лишила
Покоя и сна.

В поля загляни,
Где от края до края
Высокие волны
Шумят, убегая.
Подумай над ними
И сердцем поймешь:

В надежных руках
И пшеница и рожь.

Когда же тоскуешь
По доброму слову,
И тут не горюй,
У окошка любого
Постой и услышишь:
Ручьями журчат
Певучие речи
Парней и девчат.

Люби эту землю,
Живи хоть два срока,
Но знай, она стоит любви
Лишь глубокой,
Такой, чтоб из самого сердца,
Со дна!
А мелкой любви
Не потерпит она.

НЕ РУГАЙ МЕНЯ, МАМА

Не ругай меня, мама,
Ведь когда-то сама
От веселого парня
Ты была без ума.

И, не ведая страха,
Сквозь разрывы и дым
По военной дороге
Ты прошла вместе с ним.

Годы шли, и сама ты
Говорила не раз:
Настоящее счастье
Не забыло про вас.

Не ругай меня, мама,
Я уеду туда,
Где сибирские камни
Омывает вода.

Где над вечной тайгою
Все видней и видней
Полыхают зарницы
Золотистых огней.

Не ругай меня, мама,
В том далеком краю
Вижу я свое счастье,
Долю вижу свою.

Есть один паренек там;
Но поверь, что ему
Без меня, дорогая,
Нелегко одному.

Не ругай меня, мама,
Ведь когда-то сама
От веселого парня
Ты была без ума.

ПОСЛЕ

Здравст
Как жи
Нынче
А вот я

В лунно
Под гар
То, наве
На вече

Им-то ч
Веселис
Все они
Только я

Ты пове
Не могу,
Не возьм
И прости

Больше
Ни откры
Чем так
Я приеду

ПОСЛЕДНЕЕ ПИСЬМО

Здравствуй, милый ты мой Алеша.
Как живешь, как твои дела?
Нынче вечер такой хороший,
А вот я никуда не пошла.

В лунном свете голубоватом
Под гармонику песни звучат.
То, наверно, опять ребята
На вечерку зовут девчат.

Им-то что: пой, кружись в хороводе.
Веселись и гуляй допоздна.
Все они больше парами ходят,
Только я все одна и одна.

Ты поверь: нелегко в разлуке.
Не могу, разучилась ждать.
Не возьму никак себя в руки,
И прости, что бросаю писать.

Больше ты от меня не получишь
Ни открытки и ни письма.
Чем так мучиться, знаешь, лучше...
Я приеду к тебе сама.

НЕ ЗОВИ МЕНЯ СПАТЬ, ПЕРЕПЕЛКА

Вечерами за речкою звонко
Перепелка поет допоздна.
Не зови меня спать, перепелка,
Мне сегодня, поверь, не до сна.

Не тревожь ты меня, молодую,
Мои чувства тебе не понять.
Целый вечер любимого жду я,
А его до сих пор не видать.

Не мешай думу думать мне, птица,
Гнать печаль свою девичью прочь.
Ох как трудно, как трудно забыться
И заснуть в эту ясную ночь!

Пусть мне ждать ненаглядного долго,
Просижу хоть да самой зари.
Пой мне песню свою, перепелка,
Только спать ты меня не зови.

РАЗ

Не б
Чтоб
Гово
И что

Как
Или
Все п
Не ш

Говор
И не
Трудн
Трудн

И ког
Не вх
Но до
Что во

РАЗГОВОРЫ

Не бывает ни ночи, ни дня,
Чтоб не шли обо мне разговоры.
Говорят, что он любит меня
И что думает свататься скоро.

Как пойду я с работы домой
Или в клубе займу свое место,
Все подруги при встрече со мной
Не шутя называют невестой.

Говорят, что мне с ним по пути,
И не может быть в этом сомненья,
Трудно эти слова обойти,
Трудно слушать мне их без волненья.

И когда говорят про него,
Не вхожу я с подругами в споры.
Но досада берет оттого,
Что все это одни разговоры.

БЕРЕЗОНЬКА-БЕРЕЗА

Березонька-береза,
О чем шумишь листвой,
Зачем росу, как слезы,
Роняешь надо мной?

Была любовь и дружба,
Одна осталась я,
Печалиться не нужно,
Березонька моя.

Пускай его другая
Встречает под окном,
Вдвоем с тобой, я знаю,
Беду переживем.

Пускай он делит с нею
Работу и покой,
Я справиться сумею
С непрошеной тоской.

Зачем росу, как слезы,
Роняешь ты в тиши?
Шуми, шуми, береза,
А слезы осуши.

ПРОШЛИ

Прошли де
И скрылись
И незаметн
Впотьмах к

Черемуха в
Ночные взд
И чья-то го
Незащищен

Пройти бы
Дремать вс
Но, видно,
Чужой бедь

Спешу домо
Укрыл девч
А сердце вс
Не успокоит

ПРОШЛИ ДЕВЧАТА

Прошли девчата тропою узкою
И скрылись, тихие, вдали.
И незаметно песню грустную
Впотьмах куда-то увели.

Черемуха в той песне белая,
Ночные вздохи соловьев
И чья-то гордая, несмелая,
Незащищенная любовь.

Пройти бы мне и успокоенно
Дремать всю ночку напролет.
Но, видно, сердце так устроено:
Чужой беды не обойдет.

Спешу домой знакомой улицей
Укрыл девчат осенний мрак.
А сердце все еще волнуется,
Не успокоится никак.

Вот ты другому улыбнулась,
Поговорив накоротке,
И в сердце ревность шевельнулась,
Как рыба сонная в реке.

Ах, что за глупость!
Мы могли бы
Прожить без ревности вполне.
Но жаль, не поймана та рыба
И ходит где-то в глубине.

Ты сид
Уходил
И молч
И тебя

После
И в сло
И куска
Уплыва

❀

Ты сидела в пуховом платке.
Уходила, опять приходила.
И молчанье, как лед на реке,
И тебя и меня холодило.

После ссоры, счастливые, мы,
И в словах, и поступках едины...
И кусками разбитой зимы
Уплывают последние льдины.

Ревновать к кому-то
Сроду не решусь.
И с чего взяла ты,
Будто я сержусь?

Просто я увидел,
Обходя цветы,
Под твоим окошком
Не свои следы.

Отмерцал
За кормо
Не успел
И уже см

Чувство
Мыслью
К твоему
И к твоим

И к окну
Золотом
И к твоей
Как без п

Отмерцал огнями полусонно
За кормой саратовский причал.
Не успел отъехать я от дома —
И уже смертельно заскучал.

С чувством нету никакого сладу.
Мыслью рвусь к заветным берегам,
К твоему ласкающему взгляду
И к твоим отзывчивым рукам.

И к окну с откинутою шторой,
Золотом мелькнувшему во мгле,
И к твоей улыбке, без которой,
Как без песни, пусто на земле.

ЗАБОР

Нас разделял забор дощатый.
Он плотный и высокий был.
Я в нем умышленно лопатой
Однажды доску проломил.

И часто к этому пролому
Таскал то вишни, то цветы.
Я знал дела твои по дому
И знал, о чем мечтала ты.

Но все ж забор скрывал от взора
И твой покой и непокой.
Я не заметил за забором,
Как целовал тебя другой.

Года стихают, словно эхо,
И где-то прячутся вдали.
Я уезжал и вновь приехал.
Забор подгнил. Его снесли.

Мне скучновато в одиночку.
Ты счастлива... Ты у крыльца
Зовешь меня взглянуть на дочку
В отсутствие ее отца.

Час подходящ для разговора.
Деревья в розовом дыму,
Ты на виду, и нет забора.
Но это... это ни к чему.

К тому же у меня есть дело.
Я вот возьму сейчас топор
Да и, покуда не стемнело,
Поставлю заново забор.

СТАР

Где же
Где вет
Под вы
Дуб ра

Рядом
Ни оси
Лишь о
Говорли

Но и с
Есть ко
Хорошо
Время с

Он встре
И дожды
Окружен
Он и сам

СТАРЫЙ ДУБ

Где желтеют степи хлебом,
Где ветрам простор открыт,
Под высоким ясным небом
Дуб развесистый стоит.

Рядом с дубом ни березки,
Ни осины, ни сосны,
Лишь одни дубки-подростки
Говорливы и шумны.

Но и с ними дубу любо:
Есть кого листвой прикрыть.
Хорошо под старость дубу
Время с юными делить.

Он встречает вместе с ними
И дожди, и снег, и зной.
Окруженный молодыми,
Он и сам как молодой.

Я на реке рассвет встречаю
И часто с берега смотрю,
Как в камышах река, играя,
Купает алую зарю.

Она порой под ветром бьется,
Темнеет в ливень грозовой,
Но неизменно остается
Все той же светлою водой.

Ни буре, ни грозе жестокой
Не всколыхнуть ее до дна.
Не замутить воды глубокой —
И под грозой чиста она.

В природ
Когда, тр
На травы
Великая

Боится д
И степь,
Еще чуть
Как серд

В природе есть редчайшие мгновенья,
Когда, тревожной радости полна,
На травы, на озера, на каменья
Великая нисходит тишина.

Боится дождик потревожить крышу.
И степь, и лес, и воды — все молчит.
Еще чуть-чуть — и, кажется, услышу,
Как сердце человечества стучит.

Земля, распаханная круто.
Хлебов озимых зеленя...
Все начинается отсюда,
Все, что во мне, вокруг меня.

И фестивальной скрипки пенье,
И гром космических ракет,
И то живое вдохновенье,
Что сказкой делает балет.

И чуткое биенье сердца
Над неоконченной строкой,
И первый вздох, и крик младенца
В ночи в больнице городской.

Неумирающее чудо
Неиссякаемой любви,
Печаль и радость — всё отсюда,
Всё от нее, всё от земли.

Кто не
Тот ник
Как я г
Той, что
Той, что
В ночь
Смотрит
Ждет не

4 Заказ 2107

Кто не бывал на чужбине,
Тот никогда не поймет,
Как я грущу о рябине,
Той, что стоит у ворот.
Той, что не пряча тревогу,
В ночь и средь белого дня
Смотрит с тоской на дорогу —
Ждет не дождется меня.

Заказ 2197

Зари багряная полоска
Горит над степью. Даль светла;
Сто раз воспетая березка
В хлеба по пояс забрела.

И над колосьями тугими,
Привстав в разливе золотом,
Она залюбовалась ими,
Как наш колхозный агроном.

Роди
Тума
И пр
И те

Стад
К во
И ко
Чуть

И пр
Текущ
И как
Клубя

И плу
Гусей
В коро
С пуш

Родные русские картины:
Туман, плывущий по реке,
И при дороге куст калины,
И темный бор невдалеке;

Стада, бредущие лениво
К воде пологим бережком,
И колосящаяся нива,
Чуть тронутая ветерком;

И провода электролиний,
Текущие издалека,
И как предвестье теплых ливней
Клубящиеся облака;

И плутоватый взгляд девчонки,
Гусей сгоняющей к реке,
В короткой узенькой юбчонке,
С пушком подушки на щеке.

Под песню первого скворца,
Лесов живое колыханье
Люблю я слушать без конца
Земли весеннее дыханье.

Горячим соком налита,
Земля становится моложе...
Так дышит женщина, когда
Ее свидание тревожит...

Люблю я слушать, как земля
Спокойно дышит поздним летом,
Когда пригорки и поля
В позолоченное одеты.

Под каждой веткой и листом —
Избыток сил плодоносящих...
И слышится в дыханье том
Дыханье матери кормящей.

Природ
Неясны
Тревож
Открыв

О солнц
Зеленый
И радос
И близо

Природы пробуждение.
Неясный вздох в тиши.
Тревожное томление
Открывшейся души.

О солнце речь скворчиная,
Зеленый пух берез,
И радость беспричинная,
И близость первых гроз!

Брожу в лесу. Осенний тихий лес,
Исполненный поэзии и грусти.
Предощущенье сказочных чудес
Таится в каждом вздохе, в каждом хрусте,

Синица, не взирая на меня,
О чем-то разговаривает пылко.
И рядом проза нынешнего дня:
Из-под вина разбитая бутылка.

Никому
Перед к
В том л
Молода,

Кто же
(И за чт
Над ее к
Руку по-

Думаю о
Ничего, ч
Сам бы я
Сам бы я

Никому береза не мешала.
Перед кем и в чем ее вина?
В том ли, что долину украшала,
Молода, стройна и зелена.

Кто же он, что темною порою
(И за что? — болит во мне вопрос)
Над ее кудрявой головою
Руку по-разбойничьи занес?

Думаю о мести холодея.
Ничего, что на руку не скор, —
Сам бы я приговорил злодея,
Сам бы я исполнил приговор.

ВЗГЛЯНИ НА ВОЛГУ

Взгляни на Волгу: лодки там и тут,
Ревущие стада моторных лодок,
Что в тысячи своих железных глоток,
Особенно по выходным, ревут.

Ревмя ревут, одна перед другой
В азартном беге оглушая воды:
То нежные любители природы
Общаются с природою родной.

А Волга-мать, куда ж деваться ей?
Она тревожно, как больная, дышит
И собственного голоса не слышит
По прихоти любимых сыновей.
Она ведь мать, куда ж деваться ей?

Не на час, не на два — надолго,
Оставляя в сердце след,
Над кустом зеленой таволги
Занялся парной рассвет.

Ветка к ветке жадно тянется,
И процеженный туман
Молоком переливается
В чаши солнечных полян.

Ранних звуков эхо беглое
Пропадает вдалеке.
И стоят березы белые
По колено в молоке.

ВЕТЕР

Горячим солнцем прокален,
Рванулся он с такою силой,
Что еле удержался клен
И громко охнула осина.

А он промчался по лугам
И с умыслом каким-то тайным
В деревне галок распугал,
Мякину поднял над комбайном.

Нагнал на озере волну,
Ударил в лодку на приколе,
Камыш за озером пригнул
И с шумом выскочил на поле.

На поле рожь он увидал
И зашагал, ее сгибая,
Но вдруг запутался, упал
И стих.
Такая рожь густая!

Дума
Росам
Хлеб
Тот ж

Но в с
На шт
Слыша
На хоз

Потемн
Охала,
— Поза
Вовремя

И тогда
В сторо
Вдруг з
Годом л

И ее, за
Понял я
Жизнью
Голодом

Думал я, встречая в море злаков
Росами обрызганный рассвет:
Хлеб как хлеб, он всюду одинаков —
Тот же запах, тот же вкус и цвет.

Но в селе, где месяц придорожный
На штурвал комбайновый похож,
Слышал я: открыто и тревожно
На хозяев жаловалась рожь.

Потемнев от горя и от пыли,
Охала, склоняясь до земли:
— Позабыли люди, позабыли,
Вовремя на помощь не пришли.

И тогда под синим небосводом
В стороне от шума и людей
Вдруг запахло тридцать третьим годом,
Годом лебеды и желудей.

И ее, забытую, жалея,
Понял я в те несколько минут:
Жизнью пахнет хлеб — когда лелеют,
Голодом — когда не берегут.

Глубок и чуток летний сон,
И краток отдых земледельца.
И то, чем днем был удручен,
Всю ночь он держит возле сердца.

В плену домашней темноты
Ворочается то и дело.
И это не от духоты,
А оттого, что рожь поспела.

Июльской ночи тихий зов
Рождает смутную тревогу,
Что выйдет рожь из берегов
И захлестнет вот-вот дорогу.

Сумерки л
Тишина. И
Только сл
В прихопе

Через речк
Звук летит
Даже горо
Как в дере

Сумерки лежат на подоконнике.
Тишина. И в этой тишине
Только слышно: тенькают подойники
В прихоперской нашей стороне.

Через речку, через степь уснувшую
Звук летит легко и далеко.
Даже город приутих и слушает,
Как в деревне льется молоко.

ДОЖДЬ

Он лил на огород зеленый,
На кукурузу и на рожь.
И мы вздыхали восхищенно:
«Ах, до чего же дождь хорош!»

Но вот пшеница подоспела,
Ее косить пора, а он
Набрасывается то и дело
На рослый хлеб со всех сторон.

Он то притихнет на мгновенье,
То вновь начнет полосовать.
Сидим и ждем, но нет терпенья
Его благоразумья ждать.

Тогда, на дождь махнув рукою,
Встал комбайнер, лицо отер
И жатку хлебною рекою
Повел в нахмуренный простор.

В нем все решительностью дышит.
Проходит час, другой и пять.
И, смотрим, дождь, шагая тише,
Свое упрямство стал терять.

Он солнце пробовал заслоном
От нас закрыть, но не сумел.
И на моторе раскаленном
Вдруг от бессилия вскипел.

Звучала песня обмолота,
А дождь, упрятавшись в стерне,
Остался капельками пота
У комбайнера на спине.

Золотого
Над леса
Табунятс
Собираяс

Взмыла с
И опять в
Видно, тр
Улетать в

Вот они...
Гомонят,
Видно, ра
На родных

Золотого листопада шорох
Над лесами сонными плывет.
Табунятся гуси на озерах,
Собираясь в дальний перелет.

Взмыла стая, выстроилась клином
И опять вернулась на волну.
Видно, трудно птицам на чужбину
Улетать в заморскую страну.

Вот они... По-своему лопочут,
Гомонят, укладываясь спать.
Видно, рады хоть еще разочек
На родных озерах ночевать.

Земля отдыхает от жатвы,
Всего заготовлено впрок.
Лежит на столе непочатый
Высокий душистый пирог.

Свежа до студеного хруста
На белых и крепких зубах,
Ждет праздничной чарки капуста
В пропахших вином погребах.

И рядом с ведерною флягой,
Чей запах, как уксус, остер,
Налит отрезвляющей влагой
В кадушке тугой помидор.

Нам праздник не будет обузой.
Спасибо, земляк, что сберег
Соленую свежесть арбуза
И огненный перца стручок.

И тесто хозяйка месила
Не зря.
Мы оценим, ей-ей,
Какая в нем дивная сила
Саратовских наших полей.

Так выпьемте, добрые люди,
За ранний подъем на заре,
За то, что и в праздник, и в будни
Мы крепко стоим на земле.

ДОРОГА

Закат в ст
И галки в
И балашов
Само ложи

Столбы ко
Бегут навст
Огни вечер
Вдали прив

Под этой лу
Все будто в
Летит, лети
Как перед п

ДОРОГА

Закат в степи. И скрип мороза.
И галки в лесополосе.
И балашовское шоссе
Само ложится под колеса.

Столбы кого-то догоняют.
Бегут навстречу. Гаснет день.
Огни вечерних деревень
Вдали приветливо мерцают.

Под этой лунною накидкой
Все будто внове. Лишь снежок
Летит, летит наискосок,
Как перед пушкинской кибиткой

ДЕКАБРЬ

Разгулялася погода,
Расходилась на заре.
Самый темный месяц года
Показался во дворе.

Солнце ниже, лето дальше,
Выше снег, короче дни.
И в домах немного раньше
Зажигаются огни.

Ночью звезд на небе густо.
Тишина в сугробах спит.
Точно свежая капуста,
Снег под окнами скрипит.

Светлых дней не видно боле.
Песни прячутся в дома.
И все пуще в чистом поле
Разгорается зима.

О поле
Немало
Тебе изв
И Кулик
И Бород

Тебя лел
И в горь
Он без с
Вставал

О поле р
Немало
Тебе изв
И Подмо
И Стали

Каким о
Каким те
В тебе ц
Любовь

Но тот, к
Кто нес
Давно то
А ты по-

Живу тоб
Храню ж
Чтоб был
А полем

О поле русское!
Немало
Тебе изведать довелось.
И Куликовым ты бывало,
И Бородинским ты звалось.

Тебя лелеял мирный пахарь,
И в горький час, тебя любя,
Он без сомнения и страха
Вставал с оружьем за тебя.

О поле русское!
Немало
Тебе изведать довелось.
И Подмосковным ты бывало,
И Сталинградским ты звалось.

Каким огнем тебя пытали,
Каким тебя железом жгли.
В тебе цветами прорастали
Любовь и горе всей земли.

Но тот, кто шел к тебе не в гости,
Кто нес в руках разбойный нож,
Давно того истлели кости,
А ты по-прежнему цветешь.

Живу тобой, горжусь тобою.
Храню желания свои,
Чтоб было ты не полем боя,
А полем счастья и любви.

1812 ГОД

25 августа

За дальним гребнем перелеска,
Где неприятели одни,
Так вызывающе и резко
Горят бивачные огни.

Горят, пожалуй, слишком пышно.
А здесь в полночной полумгле
Такая тишина, что слышно,
Как булькает кулеш в котле.

Краснеют угли понемногу.
И разговор всеобщим стал,
Что сам Кутузов, слава богу,
Приказ к сраженью подписал.

И радуются командиры,
Что решено не впопыхах
Надеть парадные мундиры
И в бой идти при орденах.

И ополченцы втихомолку
Белье из ранцев достают
И, прежде чем надеть, подолгу
Его в руках зачем-то мнут.

Как бы раздеться опасаясь
Среди тревожной темноты
Иль по-домашнему стесняясь
Своей мужицкой наготы.

Заводит песню чей-то голос.
И светятся во тьме ночной
Рубахи чистые, как совесть
Солдат, готовых в смертный бой.

26 август

Ловя побе
К несчасть
Любил см
И тем испы

Но в жарк
Почти пол
Он измени
Впервые не

Еще премел
Еще катил
Когда охри
Назад уста

И затрусил
Как будто
Года стрем
Года блиста

«О как же
Россия... стр
Тут не расс
Тут сумерки

И перед ним
И первый ра
Необъяснимо
Он ощутил

Он ехал, гла
Не слыша, к
И до конца
Что это, собс

26 августа

Ловя победы в легких битвах,
К несчастным жертвам слеп и глух,
Любил смотреть он на убитых
И тем испытывать свой дух.

Но в жаркий день великой стычки,
Почти пол-армии сгубя,
Он изменил своей привычке,
Впервые не узнав себя.

Еще гремела канонада,
Еще катился дальний гул,
Когда охрипший император
Назад устало повернул.

И затрусил кумир народов,
Как будто не смотрели вслед
Года стремительных походов,
Года блистательных побед.

«О как же мог я ошибиться?
Россия... странная страна.
Тут не рассвет Аустерлица.
Тут сумерки Бородина».

И перед ним качнулись тени.
И первый раз на всем пути
Необъяснимое смятенье
Он ощутил в своей груди.

Он ехал, глаз не подымая,
Не слыша, как поет свинец,
И до конца не понимая,
Что это, собственно, конец.

АНДРЕЙ РУБЛЕВ

На сердце и горько и лихо,
И шутка похожа на грусть.
В аркане татарского ига
Еще задыхается Русь.

Степного молчанья безбрежность
Тревожит сомненье и страх.
Откуда же гордую нежность
Берет этот русский монах?

Каленой стрелою задета
Нетронутость русских границ.
Откуда ж гармония эта
И это спокойствие лиц?

Пора и крута и сурова,
И правды не выскажешь вслух.
Но движет рукою Рублева
Народа несломленный дух.

Утихло бурь
Снега споко
И ненадолго
Вдали загол

И чем-то ра
И, как ребе
На мир с ул
Еще далекая

❀

Утихло бурь февральских пенье.
Снега спокойно улеглись.
И ненадолго, на мгновенье,
Вдали заголубела высь.

И чем-то радостным пахнуло,
И, как ребенок из окна,
На мир с улыбкою взглянула
Еще далекая весна.

Спит косматая пурга,
Тают белые снега,
Словно девичья косынка
В синем небе облака.

Ухмыляется пурга,
Прибавляются снега.
Словно шаль старухи древней
В мутном небе облака.

Взяла зима
И, лень свою
То налицо, н
Катала белое

И рада зиму
Свежа накид
Один конец
Другой — в а

❀

Взяла зима рубель и скалку
И, лень свою отбросив прочь,
То налицо, но наизнанку
Катала белое всю ночь.

И рада зимушка обнове.
Свежа накидка на полях.
Один конец ее в Ростове,
Другой — в архангельских лесах.

Всю ночь метель буянила,
Чудила за окном,
По крышам барабанила,
Стучалась в каждый дом.
Прохожих за околицей
Пугала наяву.

Я все же злой разбойницей
Ее не назову.

В ней злость, но злость рабочая,
Которой нет цены...
Снегов-то наворочала!
Лежать им до весны.

Зима творил
Не в шутку,
И в этом без
Ей помогал

Спокойно и
В потемках
Одним дарил
Другим — во

И утро засия
И стало весе
От меха горн
От меха собо

Но днем был
Дыханием те
Деревья поте
И сказка поте

Стоят березы,
Обидно им до
Ходить в собо
Недолго довел

❀

Зима творила сказку
Не в шутку, а всерьез,
И в этом безвозмездно
Ей помогал мороз.

Спокойно и без шума
В потемках у реки
Одним дарил он шубы,
Другим — воротники.

И утро засияло.
И стало веселей
От меха горностаев,
От меха соболей.

Но днем был лес овеян
Дыханием тепла,
Деревья потемнели,
И сказка потекла.

Стоят березы, плачут:
Обидно им до слез:
Ходить в собольих шубах
Недолго довелось.

ЗИМА

1

Из самой тонкой и прозрачной пряжи
Декабрьские вытканы пейзажи.
Они особенно приятны мне
Перед рассветом поздним при луне,
Когда среди морозной тишины
Все предстает в каком-то дымном блеске
И прелести таинственной полны
Холодные поля и перелески.

2

Над белыми вершинами берез
В ночи луну окольцевал мороз.
Но где-то близко звякнуло железо,
И сразу вся таинственность исчезла.
Похрустывает под ногами снег,
Чистейший, без единственной помарки.
И голоса, и теплый женский смех
Несут на ферму бодрые доярки.

3

Они едва ль не первыми спешат
К своим заботам и себя смешат,
Чтоб шуткой обогреться на морозе.
А вот уж слышно: скрипнули полозья,
И фыркает вовсю горячий конь,
Вымахивая из-за поворота.
В окне за речкой светится огонь.
А вон еще, еще... поют ворота.

Под небо
Ворочают
И пахнет
Капустой
Меж тем
Синичьим
И хлынул
На кажды

В березня
Как из-по
Прикрыв
Принюхив
Вот, припо
Прислуша
Лесник сл
И по лицу

Дорога и с
Я слышу: з
Сейчас нач
А впереди
Перехожу
И думаю о
И вижу сне
И радуется

Далеко ль д
А там февра
Уже механи

4

Под небом обжигающей зимы
Ворочаются белые дымы.
И пахнет хлебом свежеиспеченным,
Капустой квашеной и яблоком моченым.
Меж тем румяный молодой рассвет
Синичьим свистом разбудил осину,
И хлынул враз голубоватый свет
На каждый холм и в каждую низину.

5

В березняке, просвеченном насквозь,
Как из-под снега появился лось —
Прикрыв глаза в томлении блаженном,
Принюхиваясь, лакомится сеном.
Вот, приподняв могучие рога,
Прислушался к ветвям, дрожащим зыбко.
Лесник следит за ним издалека,
И по лицу его скользит улыбка.

6

Дорога и супроб наискосок.
Я слышу: за спиной звенит звонок.
Сейчас начнется перемена в школе,
А впереди заснеженное поле.
Перехожу дорогу не спеша,
И думаю о наших русских зимах,
И вижу снег глубокий на озимых,
И радуется этому душа.

7

Далеко ль до весны? Декабрь, январь,
А там февраль. И к севу инвентарь
Уже механизаторы готовят.

Они, как говорят, ворон не ловят:
Им каждая минута дорога.
И чистый звон колхозной наковальни
Летит в запорошенные луга
И замирает в перелеске дальнем.

8

Легко, как спичка, отгорел денек.
Девчата в клуб спешат на огонек.
А старики? Чего еще им надо?
Теперь концерт для них с доставкой на дом.
Пускай морозит и пускай метет.
С экрана голубого специально
Для них весь вечер Зыкина поет,
И входит в избы Ларина Татьяна.

9

И снова ночь. Поскрипывает снег.
Баян стихает, умолкает смех.
И только на мосту у поворота
Кого-то долго обнимает кто-то.
Вот наконец расстались и они.
Умолкла собачонка у сарая.
И в окнах гаснут теплые огни,
Таинственность предметам возвращая.

10

Из самой тонкой и чистейшей пряжи
Декабрьские вытканы пейзажи.
И тишина, повсюду тишина.
Глубокий снег и полная луна.
Спокоен тополь, словно изваянье.
Спокоен лед заснеженной реки.
И на душе моей спокойное сиянье.
И вам спокойной ночи, земляки.

Чью-то
Держит
Словно
Я живу

Не ищу
Страсть
Но они
Сходят

Догадат
Был бы
Елки, сл
Встали д

А раскид
Сразу та
Словно д
Небеса м

О березах
Я бы так
Это всей
Наш Коло

Чью-то тайну бойкий дятел
Держит на весу.
Словно первооткрыватель
Я живу в лесу.

Не ищу ни с чем сравнений —
Страсть невелика.
Но они без приглашений
Сходят с языка.

Догадаться мог бы школьник,
Был бы интерес:
Елки, словно колокольни,
Встали до небес.

А раскидистые ветлы
Сразу там и тут,
Словно дворницкие метлы
Небеса метут.

О березах, вставших тесно,
Я бы так сказал:
Это всей стране известный
Наш Колонный зал

МАТЬ

По Мамаеву кургану
Днем и ночью ходит мать.
«Вы скажите, добры люди,
Где мне сына отыскать?»

Ей в ответ вздыхает Волга:
«Крепко спит в земле герой.
Не буди его напрасно
И ступай себе домой».

Повернулась, распрямилась,
Непреклонна и горда:
«Не гони меня отсюда,
Не уйду я никуда.

Стану камнем на кургане,
Подыму священный меч
И останусь возле сына,
Чтоб покой его беречь».

Вот стоит она над Волгой,
Торжествуя и скорбя.
И все матери погибших
Видят в ней самих себя.

ЕЩЕ НЕ КО

Желтеют лис
Летит ли с в
Старушка ду
И почему его

Давным-давн
И в старом д
Ну а для мат
Еще не кончи

Ночами бывш
Покоя память
Своих бойцов
Он сквозь ого

Давным-давно
И жизнь врач
Но для седого
Еще не кончи

Мечтает сын,
Что день прид
В окно тихонь
Пропавший бе

Давным-давно
С победой вст
Но в чуткой п
Еще не кончил

ЕЩЕ НЕ КОНЧИЛАСЬ ВОЙНА

Желтеют листья на осине,
Летит ли с вишен белый цвет,
Старушка думает о сыне:
И почему его все нет?

Давным-давно умолкли пушки,
И в старом доме тишина.
Ну а для матери-старушки
Еще не кончилась война.

Ночами бывшему комбату
Покоя память не дает.
Своих бойцов по Сталинграду
Он сквозь огонь опять ведет.

Давным-давно затихла рана,
И жизнь врачами спасена.
Но для седого ветерана
Еще не кончилась война.

Мечтает сын, когда не спится,
Что день придет и наконец
В окно тихонько постучится
Пропавший без вести отец.

Давным-давно своих героев
С победой встретила страна.
Но в чуткой памяти сыновьей
Еще не кончилась война.

5 Заказ 2197

СОЛДАТСКАЯ ДУША

Когда, спасая Родину,
Отец пошел в огонь,
Оставил сыну-мальчику
Он старую гармонь.
Погладил тихо волосы:
— Научишься, играй.
А если и случится что,
Живи не унывай.

Ходил тот мальчик маленький
С гармошкою в руках,
Играл на шумных станциях,
Играл в госпиталях.
И люди молча слушали
Гармошку малыша.
И пела в ней отважная
Солдатская душа.

Отец его под Витебском
Упал в траву лицом.
Года прошли, и мальчик тот
Давно уж стал отцом.
Гармонь отдал сынишке он:
— Научишься, играй.
А если и случится что,
Живи не унывай.

Мне часто, часто слышится
В вечерние часы,
Как внук солдата трогает
Послушные басы.
Звучит гармошка старая
В руках у малыша.
И в ней поет по-прежнему
Солдатская душа.

От тебя ничего не таю,
Говорю как с хорошим знакомым.
В том, как лезешь ты в душу мою,
Есть немного от кражи со взломом.

И прошу я тебя: погоди,
Не спеши, задержись на пороге, —
Прежде чем ко мне в душу войти,
Не забудь хотя б вытереть ноги.

ИЗ ЮСУПА ХАППАЛАЕВА

Когда на пашни и леса
За каплею стремится капля,
То громыхают небеса
И машут огненною саблей.

Но ты не туча и не гром,
Чтоб громыхать в пылу суровом.
Так почему ты, как мечом,
Худым размахиваешь словом?

Прорвется туча с высоты,
Засветит солнечное око,
И сразу травы и цветы
Сияют радугой высокой.

Когда же твой затихнет гром,
То даже у меня, мужчины,
Пусть незаметные притом,
Но появляются морщины.

Весна б
Скворец
Случило
Под зво

Апрель
Над лес
Немало
Обрел д

Уже не з
Зимы нед
Но и пон
Живет в

Весна будила запах прели,
Скворечник в небо вознеся.
Случилось так, что я в апреле
Под звон капели родился.

Апрель восторженно ерошил
Над лесом пряди облаков...
Немало лет с тех пор я прожил,
Обрел друзей, нажил врагов.

Уже не знает снисхожденья
Зимы печальной седина
Но и поныне от рожденья
Живет в душе моей весна.

❀

Да, бывает: сам себе я нравлюсь
Той порой, когда свергая зло,
Не бегу куда-то и как страус
Голову не прячу под крыло.

Но когда свою трусливость вижу —
Стыд не в стыд и честь не дорога, —
В тот момент смертельно ненавижу
Я себя, как своего врага.

❀

Эта к
Как б
По ко
По но

Не по
Только
Что на
Никогд

Эта книга довольно корява,
Как бывает корява земля,
По которой пахучие травы
По почам убегают в поля.

Не по нраву — ее вы оставьте.
Только помнить прошу наперед,
Что на гладком и голом асфальте
Никогда ничего не растет.

КАК ВЗЯТЬ СЕБЯ В РУКИ

Как взять себя в руки,
Скажите вы мне.
Женат на подруге,
А ходит ко мне.

Придет и вздыхает:
«Со мною побудь».
И сил не хватает
Его оттолкнуть.

Никак не могу я
Понять одного:
Зачем каждый вечер
Встречаю его.

Мне больно и стыдно
В душе перед ней,
Ни в чем не повинной
Подругой моей.

Ничуть я не рада
Стоять на пути.
Давно бы мне надо
С дороги уйти.

Давно бы мне надо,
А я не иду.
Чего-то все медлю,
Чего-то все жду.

Когда не ради любопытства
Сюда приходишь ты порой,
А чтобы вдоволь насладиться
Раздольем ширн снеговой, —
Тогда и снежная пылинка,
Что легким пламенем горит,
И одинокая былинка
О многом сердцу говорит.
Земля отцов!
Иль это только снится:
Когда к тебе иду издалека,
Как облака, в душе восторг клубится,
И тает грусть, как тают облака

ИДУ НА СВАДЬБУ

Иду на свадьбу я с любимым,
Мне все подруги шлют привет.
Лишь ты одна проходишь мимо,
Лишь от тебя привета нет.

Моим желаньям ты не рада,
Не хочешь счастья моего,
Но я, пойми, не виновата,
Что мы влюбились в одного.

Не виновата я нисколько,
Что самый светлый праздник мой
Стал для тебя печалью горькой,
Твоею девичьей бедой.

Уйми сердечную тревогу,
Меня напрасно не суди.
Кто знал, что мне твою дорогу
Придется в жизни перейти.

ТРАВУШК

Он пришел
Зачастил в
Потоптал в
Под моим о
Но о том ни
Не жалею я
Траву
Зелене

Мать моя ру
Все бранит е
Ни стыда ни
Нету у него.
А ты зря руга
Ты ведь не пр
Травуш
Зеленен

Даже не дотро
До меня рукой
Он такой стесн
Робкий он тако
Но всегда хоро
Говорит слова...
Травушка
Зеленень

Я скажу любим
Приходи скорей,
Ничего не бойся
Траву не жалей.
И от счастья кру
Голова моя.
Травушка-м
Зеленькая

ТРАВУШКА-МУРАВУШКА

Он пришел из армии,
Зачастил в наш дом,
Потоптал всю травушку
Под моим окном.
Но о том писколечко
Не жалею я.
Травушка-муравушка,
Зелененькая.

Мать моя ругается,
Все бранит его:
Ни стыда ни совести
Нету у него.
А ты зря ругаешься,
Ты ведь не права...
Травушка-муравушка,
Зелененькая.

Даже не дотронется
До меня рукой.
Он такой стеснительный,
Робкий он такой.
Но всегда хорошие
Говорит слова...
Травушка-муравушка,
Зелененькая.

Я скажу любимому:
Приходи скорей,
Ничего не бойся ты,
Траву не жалей.
И от счастья кружится
Голова моя.
Травушка-муравушка,
Зелененькая.

МОЯ БИОГРАФИЯ

Иные, свои отмечая следы,
Изводят на это бумаги пуды.
Моя биография — жизни основа —
Четыре негромких обыденных слова.
Хотите, сейчас вам ее расскажу:
Родился,
Учился,
Женился,
Пишу.

Говорила
«Знай кр
Трудно б
На земле

Где нужд
Всякое сл
И земля н
Подо мно

Словно в с
Замирало
К счастью,
В жизни о

Удержаться
Трудною по
Мне помог
Под Карага

И от голода
(Сама — как
Возле Харько
Одна украин

Там, где Севе
Выбелен снега
От непрошени
Вылечил саам

Никому я не о
Что копил года
Не отдам и не
Не прельщусь

Говорила в детстве мать:
«Знай край, да не падай».
Трудно было устоять
На земле покатой.

Где нужда, а где беда —
Всякое случалось.
И земля не раз, не два
Подо мной качалась.

Словно в страхе оттого
Замирало сердце.
К счастью, было на кого
В жизни опереться.

Удержаться на ногах
Трудною порою
Мне помог один казах
Под Карагандою.

И от голода меня
(Сама — как былинка)
Возле Харькова спасла
Одна украинка.

Там, где Север голубой
Выбелен снегами,
От непрошенной тоски
Вылечил саами.

Никому я не отдам
Что копил годами,
Не отдам и не продам,
Не прельщусь рублями.

Что рубли? Рубли — пустяк.
Дружба, как и братство,
Неразменное мое
Вечное богатство.

Сл
Ме
Гор
Бл

Кто
Нет
Кто
Что

Где-
Смер
Где-
Из-з

Горо
Блюд
Слож
Мело

Сложности века.
Мелочи быта.
Город разрушен...
Блюдце разбито...

Кто-то страдает:
Нет больше мира.
Кто-то вздыхает:
Что за квартира?

Где-то дерутся:
Смерть иль свобода!
Где-то воюют
Из-за комода.

Город разрушен.
Блюдце разбито.
Сложности века.
Мелочи быта.

Белый день потемнел,
Журавли загрустили...
Я о чем бы ни пел,
Все пою о России.

Свет в вечернем окне,
За избою дорога —
Все со мной, все во мне
До последнего вздоха.

Отец м
Не тол
Весь м
Где со

Он дал
Березы
И беско
За мир,

Отец мне дал не только имя,
Не только синие глаза —
Весь мир с высотами крутыми,
Где солнце, ветер и гроза.

Он дал мне небо и дорогу,
Березы, песни и траву
И бесконечную тревогу
За мир, в котором я живу.

ЗАЦВЕЛИ САРАТОВСКИЕ ВИШНИ

Зацвели саратовские вишни,
Занялся над Волгою рассвет,
А тебя не видно и не слышно,
А тебя опять со мною нет.

Вдаль ведет широкая аллея,
На дорожку падает роса.
Я б хотел увидеться скорее,
Заглянуть в любимые глаза.

Обо всем сказать, что наболело,
Поделиться, чем в душе богат,
Показать тебе вот этот белый,
Этот вешний, этот майский сад.

Но тебя не видно и не слышно.
Лишь в кустах малиновки поют.
Неужель саратовские вишни
Без своей хозяйки отцветут?

У НАС В

У нас в се
Да только
У нас хоро
Да только

Стою одна,
И руки нек
А как тебе
Одним глаз

Вот так теб
Вот так я п
Теперь, прос
Смеется с на

Вернулись м
И стало шум
Подружки во
Прости, я то

Тебя звала, т
Ты мог прие
Ты спросишь,
Теперь ведь э

У НАС В СЕЛЕ ГАРМОНЬ НАСТРОИЛИ

У нас в селе гармонь настроили,
Да только некому играть.
У нас хороший клуб построили,
Да только не с кем танцевать.

Стою одна, прущу на холоде,
И руки некому погреть.
А как тебе живется в городе,
Одним глазком бы посмотреть.

Вот так тебе вчера писала я,
Вот так я плакала вчера.
Теперь, прости, гармонь та самая
Смеется с нами до утра.

Вернулись многие из армии,
И стало шумно у окна.
Подружки все гуляют с парнями,
Прости, я тоже не одна.

Тебя звала, тебя любила я.
Ты мог приехать бы давно.
Ты спросишь, как его фамилия,
Теперь ведь это все равно.

ГОСТЬ

Из опыта современной баллады

Мне душу дожди оросили,
И весь я июлем пропах.
Стою посредине России
В обрызганных солнцем хлебах.

Колосьев литых колыханье
Похоже на желтый прибой.
И слышу я чье-то дыханье
И вздох за своею спиной.

Все поле обшарил я взглядом,
И что за напасть — никого.
Но чувствую, чувствую, рядом
Живое стоит существо.

«Ты кто и откуда — скажи мне».
И голос ответил чужой:
«Я древнего времени житель,
Я пращур невидимый твой.

Сюда через тысячелетья
Сегодня пришел для того,
Чтоб знал ты: колосья вот эти,
Они от зерна моего».

«Чего ж ты, — спросил я пришельца, —
Чего же ты хочешь — ответь».
«На тех, кто мне радует сердце,
Пришел я сюда посмотреть.

Давай откровенными будем.
Ты знаешь, посеяв зерно,
Я думал в ту пору, что людям
Лишь радость доставит оно.

Так ду
Но ско
Почуял
Стал хл
Причин

Несущи
И жизн
Родил с
Слепую

Вражда
Я видел
И честь
И слезы

Не мог я
Пока об
Шумели
Пылали

Готов бы
Себя и то
Когда в н
Открыл с

Но слыши
Я славлю
Я счастли
Вплели в

Прощай!
И на то м
Пусть пы
В стране к
Лишь радо

Так думал, наивный.
Но скоро
Почуял я запах беды.
Стал хлеб мой причиной раздоров,
Причиной великой вражды.

Несущий довольство и счастье
И жизнь всем дающий, заметь,
Родил он и власть и безвластье,
Слепую покорность и плеть.

Вражда разгоралась все пуще.
Я видел сквозь толщу веков
И честь и бесчестье имущих,
И слезы и кровь бедняков.

Не мог я остаться спокойным,
Пока обжигая миры,
Шумели кровавые войны,
Пылали восстаний костры.

Готов был проклясть я навеки
Себя и тот день и тот час,
Когда в необычном побеге
Открыл силу жизни для вас.

Но слышишь довольный мой голос.
Я славлю ваш молот и серп.
Я счастлив, что люди мой колос
Вплели в Государственный герб.

Прощай!
И на то моя воля —
Пусть пышным родится зерно.
В стране коллективного поля
Лишь радость приносит оно.

Прощай!
И да здравствует разум!
Я в древность опять ухожу.
Но помни: минувшего глазом
За будущим вашим слежу.

Прощай!» —
И пришелец безвестный
Замолк от меня в двух шагах.
...Стою, озирая окрестность,
В обрызганных солнцем хлебах.

Полны
На зем
Как о
Будут

Верю я
Но бол
Для то
Надо ж

Потому
В стены
Хоть од
Собстве

Полный удивительного смысла
На земле такой наступит час:
Как о новоселах коммунизма
Будут люди говорить о нас.

Верю я в то общее веселье,
Но болею нынче о другом:
Для того чтоб справить новоселье,
Надо же сперва построить дом.

Потому и хочется мне нынче
В стены дома, где придется жить,
Хоть один, хоть маленький кирпичик
Собственной рукою положить.

Поэзия не знает выходных,
Не знает отпусков и смены суток.
Она не остывает ни на миг,
И сон поэта беспредельно чуток.

Стекает с листьев свежая роса,
Иль под землей глубокий корень дышит,
Иль где-то собирается гроза,
Иль кто-то прячет от людей глаза, —
Поэзия все видит и все слышит.

СЕ

Сол
Неб
Убе
Ста

Шпа
Рел
Под
Баб

Сред
В ко
Сред
В ст

Не, ж
Зако
Прос
Знак

Удив
Надл
«При
Семе

Как ж
И про
«Ниче
Вороч

То с л
То с т
Отойд
Запач

СЕМЕНОВНА

Солнце красное,
Небо синее.
Убегают вдаль
Стальные линии.

Шпалы толстые,
Рельсы узкие.
Подсыпают грунт
Бабы русские.

Среди них одна —
В косах бантики.
Среди них одна
В старом ватнике.

Не жена моя
Законная.
Просто так, одна
Знакомая.

Удивленьем бровь
Надломлена.
«Привет, — говорю, —
Семеновна!

Как жизнь? Как дела
И прочее?» —
«Ничего, — говорит, —
Ворочаю.

То с лопатой вот,
То с тачкою.
Отойди, а не то
Запачкаю».

Глядит на меня —
Темнолицая.
Сбежать бы мне,
Провалиться бы.

Да где же вы,
Друзья-приятели,
Разученые
Изобретатели?

Неужели нет
Чего нового,
Чтоб не билась тут
Семеновна?

На душе у меня
Нечто мерзкое.
Разве камень грузить —
Дело женское?

Ей с любовью своей
Надо б встретиться,
Ей бы парня любить
Да невеститься.

Ей семью держать,
(Не калечиться),
Ей детей рожать
Для Отечества.

Она с лопатами,
Я с рифмами.
Ох и горько мне,
Ох и стыдно мне,
За стишки свои,
Что мрут без времени,

И за честь всего
Мужского племени.

Убежать бы прочь.
Радость сломана.
Чем тебе помочь,
Семеновна?

Скинь-ка робу свою
Рабочую,
Дай-ка я хоть чуток
Поворочаю.

СЫН

Пришла пора на фронт ему,
И вышли провожать:
Невеста, два товарища
И вслед за ними мать.

Невеста черноокая
Не дождалась бойца.
Давно уж стерлись в памяти
Черты его лица.

За годами за дальними,
Летучими, как дым,
Он редко вспоминается
Товарищам своим.

Давным-давно привыкли все,
Что спит в земле сырой.
И только перед матерью
Стоит он как живой.

Не ругай
Что я ны
Возле но
И вздыха

Видишь
Но прове
Из Хопра
С плавни

Не ругай, товарищ рыбнадзор,
Что я нынче на ночь ставил сети...
Возле ног моих дремал костер,
И вздыхал в кустах о чем-то ветер.

Видишь сам, что ни рыбешки нет,
Но провел я время не напрасно:
Из Хопра я выловил рассвет
С плавниками зорьки ярко-красной.

НЕКРАСОВ

Пел поэт...
Поля мерцали голо.
Дарья замерзала на снегу.
Он всю силу русского глагола
Обратил на службу мужику.

Языка хранитель и кудесник,
Навсегда отвергнув барокий род,
Он порой певал такие песни,
Что светлел душою весь народ.

Бескорыстно Родине служил он,
Нам служил.
И ныне оттого
Как огонь бежит по нашим жилам
Вечная поэзия его.

Битые с
На боль
Голову
Русской

В немочи
В оправд
Тщились
Что встр

А народ-
И спроси
Есть душ
А загадки

Битые с достойной русской хваткой
На больших дорогах и в глуши
Голову ломали над загадкой
Русской неподатливой души.

В немочи неверною рукою,
В оправданье собственных невзгод,
Тщились ей приписывать такое,
Что встречал усмешкою народ.

А народ-то, он себя ведь знает.
И спросили — дал бы он ответ:
Есть душа своя, непокупная.
А загадки не было и нет.

РОДОСЛОВНАЯ

Хотите родословную?
Я сообщить готов,
Она корнями крепкими
Уходит в глубь веков.

Рабочий я и сеятель,
Строитель и солдат.
И предками достойными
Несказанно богат.

Из множества великого
Отчаянный один
С дружиной князя Игоря
На половцев ходил.

Другой с войсками Дмитрия,
Разивший наповал,
Величьем духа русского
Мамая доконал.

А третий? Тот с Кутузовым
Идти считал за честь.
Четвертый? К сожалению,
Их всех не перечесть.

Как доблестное воинство,
Они из рода в род
Несли свое достоинство
И славу и почет.

И не было в отечестве
Великих дел таких,
Которые свершились бы
Без предков без моих.

Одно и
Лохмат
Несли с
А жили

И потом
Мир зло
Они при
Взорвал

Одно их только мучило,
Лохматило чубы:
Несли свободу родине,
А жили как рабы.

И потому решительно
Мир злобы и тоски
Они при штурме Зимнего
Взорвали на куски.

6 Заказ 2197

СЕВЕР

Спит ли хмель на городьбе
Иль гуляют в поле вьюги,
Как о старом добром друге
Вспоминаю о тебе.

Край застуженных берез,
Помнишь, в молодости ранней
Я к тебе на воспитанье
Самого себя привез?

Ты тогда предстал седым,
Заметенным чистым снегом.
Помнишь, как за жизнью бегал
Я по тундрам по твоим?

Ты мне сразу дал понять,
Что с тобою шутки плохи.
Никакие ахи, охи
Ты не мог бы оправдать.

Хорошо, что ты меня
Не обманывал на службе
И учил сердечной дружбе
У походного огня.

Ты мне в руки дал хорей,
Подарил в дорогу нарты.
Кочевать я стал без карты
Вдоль по юности своей.

И в знакомстве до конца
С тем твоим суровым миром
Были мне ориентиром
Дорогих людей сердца.

Сколько раз на сквозняке,
За жилье приняв поляну,
Спал ногами к океану,
Головой к самой Москве.

Сладкий морс из клюквы пил
И олениной кормился.
Потому не простудился,
Что ты дружбой закалил.

Я ищу твою зарю.
И прошу я: дай мне руку.
За великую науку
От души благодарю.

СУЗДАЛЬ

Нет, я не восхищаюсь сединою,
Я просто принимаю седину.
Нет, я не увлекаюсь стариною,
Я чту и уважаю старину.

Когда б ни эти древние каменья,
Когда б ни этих красок торжество,
Как смог понять я предков вдохновенье
И оценить былого мастерство?

Там, где волны колобродят
И бесчинствуют ветра,
Там, где траулеры бродят
И гуляют сейнера.

Днем ли, вечером оттуда,
Из таинственных глубин,
Поступает чудо-юдо
В специальный магазин.

Чудо севера и юга
На любой расхожий вкус —
Пристипома и бельдюга
И конечно макрорус.

В руки просится с прилавка,
К нам прибыв издалека,
Популярная салака,
Знаменитая треска.

Блещет рыба, серебрится,
И ступает перед ней
Молодая продавщица,
Как владычица морей.

Солнцем, ветром и туманом
У нее халат пропах.
И Великим океаном
Пахнут гири на весах.

Щедра земля, щедра и многолика.
С открытой материнской добротой
Она меня то нежит земляникой,
То ободряет свежестью грибной.

Она то ляжет под ноги тропинкой,
Где колос каждый солнечен и свеж,
А то в саду приветит боровинкой:
Чего стоишь, мол,
Не стесняйся, ешь.

Вхожу, как в дом, в березовые чащи,
В лугах отаву мягкую топчу,
Живу землей и думаю все чаще:
А чем я ей за это отплачу?

Декабр
Пора у
Но в чи
И все в

Как-буд
В согла
Кого-то
И забол

❁

Декабрь подходит к серединке,
Пора уж быть зиме давно.
Но в чистом поле — ни снежинки,
И все в лесу обнажено.

Как-будто шла зима сначала
В согласии с календарем,
Кого-то встретила случайно
И заболталась за углом.

КОРШУН

Вдали пылило стадо. У обрыва
Стучал движок. Кричали на возу.
А он кружил спокойно и лениво,
Разглядывая мелочи внизу.

В кустах петляла тихая речонка,
Курили у дороги мужики...
Теперь на завтрак хорошо б зайчонка
Уж так прилелись жабы и жуки.

Внизу в луге болотце заблистало.
Он плыл и плыл, все забирая ввысь...
Зайчишек, жаль, совсем уже не стало,
И куропатки все перевелись.

Сияло утро солнечно и сухо.
Не торопясь, он повернул назад,
И до его встревоженного слуха
Донесся крик разбуженных галчат.

Ему хватило одного мгновенья,
Чтоб ожила в нем вековая страсть.
Он был уже готов для нападенья,
Он камнем был готов уже упасть.

И обратясь к разбойничьей смекалке,
Уже сложил он крылья сгоряча,
Но тучей взмыли вспугнутые галки,
Тревожно и восторженно крича.

Веселые, увертливые птицы,
Кто в них отвагу дерзкую вложил?
Он знал: от них не так легко отбиться —
И в сторону с досадой заспешил.

Но вер
Доказы
Они са
Преслед

Потом
Меж бо
Ползла
Он выб
Он напа
А стан

Ударил
Потом,
Рванулся
И потащ

Но верные родительскому долгу,
Доказывая, жизнь как дорога,
Они самоотверженно и долго
Преследовали старого врага.

Потом отстали...
Меж болотных кочек
Ползла змея...
Он выбился из сил.
Он нападать любил на одиночек,
А стан никогда не выносил.

Ударил коршун взглядом по болоту,
Потом, перевалясь через крыло,
Рванулся вниз, схватил змею с налету
И потащил, на ней срывая зло.

О ЛУНЕ

Шагают астронавты по Луне,
Наука ищет то, что ей полезнее.
И опадают тайны в тишине,
И к прозе приближается поэзия.

Теперь не так загадочна луна,
Хотя сквозь тучи также мглисто светится.
Но ты, поэт, старайся, чтоб она
Была всегда хотя б осколком месяца.

Я иду по чисту полю
За осеннее село.
Ох и много мне на долю
В жизни выпало всего.

Много ахов, много вздохов,
И разлук, и добрых встреч.
В сердце целая эпоха,
Как мне сердце уберечь?

Там кого-то вон хоронят,
Не своя идет печаль.
Что поделать, сердце стонет,
И чужого сердцу жаль.

Враль заврется, злость сорвется,
Захворает ли жена —
Сердце мигом отзовется,
Словно чуткая струна.

От беды куда мне деться? —
Прохромает инвалид —
И войну припомнит сердце
И надолго заболит.

Таинственно слияние природы
С моей душой. Вчера из-за погоды
Я ликовал, бродя среди берез.
И надо мной подшучивал мороз.
И я шутил над непорочным снегом.
Я был жизнелюбивым человеком.
Но так легко мне думалось и пелось,
И сделать людям доброе хотелось.

А нынче все не так и все не то:
Обвисло на плечах моих пальто,
Такая под ногами сырь и слякоть,
Что даже дуб и тот готов заплакать.
Не думается мне и не поется,
Во мне все глухо, как на дне колодца,
Где ни один не шевельнется звук.
Как тягостно, когда ты к жизни глух.

Ты чай
Я други
Липы ц
Все ты

Мы с то
Вечеров
Есть о ч
Есть о ч

Завари
Чтоб ли
Чтобы р
Чтобы п

Ты чаи готовить мастерица.
Я других подобных не встречал.
Липы цвет, шалфей иль медуница —
Все ты в дивный обращаешь чай.

Мы с тобой не первый раз встречаем
Вечеров июньских благодать.
Есть о чем поговорить за чаем,
Есть о чем за чаем помолчать.

Завари ты чай не мимоходом.
Чтоб лилась беседа час и два,
Чтобы речи отдавали медом,
Чтобы пахли мятою слова.

☼

Дороги ускользающая лента
В снега зарылась между горных гряд.
Как на картине Рокуэлла Кента,
Горит над тундрой трепетный закат.

В молчанье стынут розовые сосны.
Блестит слюдою шапка валуна.
В остекленелом воздухе морозном
Холодная томится тишина.

Но вот, на снег отбрасывая тени,
Оленевод из дальнего села
Вписал в пейзаж стремительных оленей,
И вся картина сразу ожила.

☼

На бол
Лепест
Далеко
В ясны

Облако
Хлынул
Пригор
Сосны

Речка
Вверх
В мягк
Древни

Ворона
Падают
Как стр
Этот м

В летни
И на не
Светито
Лепестк

На болотах расцвела морошка
Лепестками белого огня.
Далеко приметная дорожка
В ясный полдень увела меня.

Облаков раскрыв широкий полог,
Хлынул с неба солнечный поток.
Пригоршни рыжеющих иголок
Сосны обронили на песок.

Речка говорливая с размаху
Вверх бросает звонкий плеск волны.
В мягкую зеленую рубаху
Древние одеты валуны.

Ворона простуженные крики
Падают в обветренный гранит.
Как страницы нераскрытой книги,
Этот мир передо мной лежит.

В летних красках яркая обложка
И на ней, открытием маня,
Светится болотная морошка
Лепестками белого огня.

ПУШКИН

Земной, а вовсе не былинный,
Он в нашей высится судьбе
Той ослепительной вершиной,
Что манит каждого к себе;

Той ослепительно тревожной,
Живущей с богом заодно,
Постичь которую — возможно,
Достичь которой — не дано

В поэзии, как в дом
Есть красные углы
Для всех, за исключ
Носителей хулы.

За исключеньем сы
Забывшего отца,
И тех, кто мечен сла
И метой подлеца.

А вы, кто прям и чес
Душою и трудом,
По долгу и по праву
Входите в этот дом.

И пусть паролем слу
С начала до конца —
Натруженные руки,
Открытые сердца.

Прошу великодушно
Герои наших дней,
Займите красный уг
Поэзии моей.

В поэзии, как в доме,
Есть красные углы
Для всех, за исключеньем
Носителей хулы.

За исключеньем сына,
Забывшего отца,
И тех, кто мечен славой
И метой подлеца.

А вы, кто прям и честен
Душою и трудом,
По долгу и по праву
Входите в этот дом.

И пусть паролем служат
С начала до конца —
Натруженные руки,
Открытые сердца.

Прошу великодушно:
Герои наших дней,
Займите красный угол
Поэзии моей.

ВАЛЯ

Отец косил, а девочка, играя,
Цветы перебирала для венка.
Вдруг бабочка нарядная такая
За куст ольховый Валю увлекла.

И девочка, сначала неохотно,
Потом все возбуждаясь и сердясь,
По узкой тропке вдоль травы болотной
За бабочкой вертлявой погналась.

А вот и лес. Качнулась и сомкнулась
Над головою веток полумгла.
Но девочка назад не оглянулась
И не спеша по лесу побрела.

Ах что за лес! Вон желтая букашка.
Вон паучок. Вон серый воробей.
А вон мелькнула белая ромашка,
И Валя побежала прямо к ней.

Потом сторонкой обошла репейник,
У елки постояла в забытьи
И долго изучала муравейник,
В котором копошились муравьи.

Есть захотела — съела земляники.
Пить захотела — подошла к ручью.
Весь этот мир, таинственный и дикий,
Ей как бы душу открывал свою.

Но вдруг стемнело. Тихо дождь закапал,
Потом пошел сильнее и сильней.
Она кричала: «Папа, папа, папа!» —
Никто на зов не откликался ей.

Примолкшая, с
Со смутными ж
Своей беды со
Она брела по л

Спустилась ноч
Какие-то неясн
Она от взросл
Живут в лесу.

Да где ж отец
В лесу так стр
От холода и ст
Она с трудом з

Но утром Вал
И вновь она от
И долго шла.
Что все отец з

И от обиды вз
И стало мокры
Откуда знать
Ее искал едва

На третий день
Ее нашел и по
Она сказала т
— А я искала,

Сбежались люд
И девочка отта
И на отца смот
Он перед ней с

Примолкшая, охрипшая, немая,
Со смутными желаньями не в лад,
Своей беды совсем не понимая,
Она брела по лесу наугад.

Спустилась ночь, блеснули из-за елки
Какие-то неясные огни.
Она от взрослых слышала, что волки
Живут в лесу. Уж это ль не они?

Да где ж отец? Пришел бы поскорее.
В лесу так страшно маленькой одной.
От холода и страха цепенея,
Она с трудом забылась под сосной.

Но утром Валю солнце разбудило,
И вновь она отправилась вперед.
И долго шла. И думать странно было,
Что все отец за нею не идет.

И от обиды вздрагивали губки,
И стало мокрым платьице от слез.
Откуда знать ей, что вторые сутки
Ее искал едва ль не весь колхоз.

На третий день, когда лесник случайно
Ее нашел и поднял, торопя,
Она сказала тихо и печально:
— А я искала, дяденька, тебя.

Сбежались люди на пригорке мшистом.
И девочка оттаяла душой
И на отца смотрела с любопытством:
Он перед ней стоял совсем седой.

Отчий край удваивает силы.
И под звон застенчивой ольхи
Мне опять березы и осины
Помогают сочинять стихи.

Гнется месяц тонкою подковой.
Луговая стелется трава.
И Хопер водою родниковой
Промывает старые слова.

Потому с любовью неизменной
Ранний час и позднюю зарю —
Этот край вовек благословенный —
Я от всей души благодарю.

ЖЕЛАНИ

Предновог
Предновог
Опять зав
Восходят

Чего хочу
Чего я жд
Желаю я
Покоя, сча

И чтоб др
Горя в ра
И чтобы р
Душой и

И чтоб пр
Дела и мы
И чтоб вр
И не пило

И без душ
От песни
Мелькнула
Сверкнула

И та, что
Отныне до
Была бы
Как я быв

И чтоб зве
Все увлек
И чтобы г
Земля, ро

ЖЕЛАНИЕ

Предновогодних звезд мерцанье,
Предновогодний свет в окне.
Опять заветные желанья
Восходят песнею во мне.

Чего хочу? О чем мечтаю?
Чего я жду из-под пера?
Желаю я родному краю
Покоя, счастья и добра.

И чтоб друзья подольше жили,
Горя в работе и борьбе.
И чтобы родине служили
Душой и сердцем как себе.

И чтоб пронизывала зрелость
Дела и мысли их насквозь.
И чтоб врагам моим не слось,
И не пилось, и не спалось.

И без душевного убытка
От песни той, что написал,
Мелькнула б хоть одна улыбка,
Сверкнула б хоть одна слеза.

И та, что мне дана судьбою
Отныне до последних дней,
Была бы счастлива со мною,
Как я бываю счастлив с ней.

И чтоб звезда любви сияла,
Все увлекая и маня.
И чтобы горя бы не знала
Земля, родившая меня.

ЗДРАВСТВУЙ, СЛОВАКИЯ

Здравствуй, Словакия, здравствуй.
Ты не чужая в судьбе.
С чувством великого братства
Я припадаю к тебе.

Крепко тебя обнимая,
Сердцем почувствовать рад
Синюю свежесть Дуная,
Белую свежесть Карпат.

Нет, не казенная служба
И не пустые дела —
Кровью скрепленная дружба
В гости к тебе привела.

Будь я сто раз озабочен —
Сердце сумеет стеречь
Эти словацкие очи,
Эту словацкую речь.

Даже и в сумерках серых
Дума согреет не раз,
Что среди добрых и верных
Вижу я свет твоих глаз.

В слове «
В слове «
Что-то ле
Что-то та

В слове «Словакия» есть что-то плавное.
В слове «Словакия» есть что-то славное.
Что-то лесное и что-то степное,
Что-то такое почти что родное.

ГОРЛИНКА

В день манифестации всеобщей,
Без того нарядна и светла,
Трнава розы вынесла на площадь,
Трнава флаги в небо подняла.

Самые красивые одежды
Тут и там сняли без конца.
Самые высокие надежды
Озаряли души и сердца.

Мимо нас, посланцев не случайных
Нашей Волги-матушки реки,
В золоте мелодий величальных
Пивовары шли и лесники.

Разливаясь, как весною воды,
И гремя оркестрами вдали,
Хлеборобы шли и садоводы —
Дети и хозяева земли.

И старик в одежде белоснежной
Шел, как бы гордясь самим собой,
И большую клетку с птицей нежной
Высоко держал над головой.

И когда с трибуной поравнялся,
Словно от избытка свежих сил,
На носки крестьянин приподнялся
И, сняв, клетку отворил.

Ахнул весь народ от изумленья.
Горлинка, белея на ветру,
Как бы стала символом стремленья
К миру, свету, счастью и добру.

Так она, счас
Что не мог и
Вслед ей вся
И желала доб

Так она, счастливая, летала,
Что не мог и глаз я отвести.
Вслед ей вся Словакия глядела
И желала доброго пути.

Оставив Волгу, где густые травы
Настояны на солнце и меду,
Иду под чистым небом Братиславы,
По улице Саратовской иду.

Вся улица сверкает свежей краской,
И так понятно, близко все кругом,
Как будто я иду по Братиславской
Над Волгою в Саратове родном.

ГВОЗДИКИ

С душой, тревогою объятою,
Шагал я медленно к стене,
Где партизан стоял с гранатою,
Поворотясь лицом ко мне.

Из камня мраморного высечен,
Стоял, врагов презрев своих.
Таких в Карпатах было тысячи,
И наших русских и иных.

Разящий взгляд и губы властные,
И молодой разлет бровей...
Я нес ему гвоздики красные
От благодарных волгарей.

И все друзья мои словацкие,
Сопровождавшие меня,
Несли за мною чувства братские,
Молчанье скорбное храня.

О миг печальный возложенья!
Я к камню белому приник
И окропил в изнеможении
Тот камень каплями гвоздик.

Минута скорбного молчания,
Как тяжела ты и долга!
Мне в этот миг земля печальная
Была безмерно дорога.

Ведь за нее, войной помятую,
Особой заплатил ценой,
Мой молодой земляк с гранатою,
Теперь стоявший предо мной.

Среди горошка неприметного
Гудели сонные шмели,
Когда от памятника этого
Назад к автобусу мы шли.

Словак из ближнего селения
Все не садился, все стоял
И долго слезы облегчения
Рукой дрожащей вытирал.

КАРПАТСКИЙ ВОЛК

(новелла)

Мне Яна с самого начала
(Я это в памяти держу)
Торжественно пообещала:
«А я вам волка покажу».

Три дня мы с Яной разъезжали.
Ну и как было решено,
Дворцы и парки посещали,
В музеях были и в кино.

Мы навестили город Тренчин,
Где, поклоняясь старине,
Просим я спеть словацких женщин.
О как они там пели мне!

Я слезы мог сдержать едва ли,
Когда на Ваге на реке
Ребята Пушкина читали
На чистом русском языке.

А в старом Глоговце уютном,
Что поразил обильем роз,
Я сам сложил стихи попутно
И в городской альбом занес.

Шло время, близилось прощанье,
Я переделал все дела.
Но Яна, помня обещанье,
Меня в Карпаты повезла.

Тропинки меж дубов столетних
По склонам гор сбегали к нам.
«Наверно, едем в заповедник», —
Я все глядел по сторонам.

И подосадовал немного,
Когда, виляя как юла,
Крутая горная дорога
Нас к ресторану привела.

Пока осматривался в зале,
Пока разглядывал камин,
По знаку Яны нам подали
Великолепнейший графин.

О том не все, наверно, знают,
Так я скажу уж заодно:
Текущим солнцем называют
Здесь это дивное вино.

Глотнешь — одно благоуханье.
Глотнешь — и будешь помнить век...
И тут привлек мое вниманье
Вошедший в залу человек.

Стоял он, голову седую
Немного набок наклоня,
Молчал и, словно бы колдуя,
Смотрел все время на меня.

«Ну что тебе, скажи на милость?» —
Я был смущен и удивлен.
Вдруг Яна к уху наклонилась
И прошептала: «Это он».

Шагнув, он место рядом занял,
Пожал мне руку и сказал:
«Я с волгарями партизанил.
Я ваших волжских вот как знал».

И, посидев в молчанье долгом,
Вздохнул: «Умел я сеять страх.

Не зря меня
Тогда прозва

Карпатский
Так вот како
А я-то дума
С достоинст
В мои глаза

И аромат ви
И Волк был
Сняла Яна к
Что ей затея

И Волк, был
Взмахнул ру
И заклубила
У партизанс

Могучий хра
А он, в обув
Сушил отря
Сам команд

Вздремнул с
Попал в зас
«В тот день
Один сарато

Умолк слова
Вино рассма
«Там... у мо
Хожу туда у

Не зря меня Карпатским Волком
Тогда прозвали здесь в горах».

Карпатский Волк?
Так вот какой он!
А я-то думал... вот чудак.
С достоинством, как старый воин,
В мои глаза смотрел словак.

И аромат вина был тонок.
И Волк был рядом. И, смеясь,
Сияла Яна как ребенок,
Что ей затея удалась.

И Волк, былое вспоминая,
Взмахнул рукой: «Была пора!» —
И заклубилась ночь сырая
У партизанского костра.

Могучий храп густел в землянке.
А он, в обувке зная толк,
Сушил отрядные портянки,
Сам командир — Карпатский Волк.

Вздремнул отряд, а на рассвете
Попал в засаду третий раз.
«В тот день меня от верной смерти
Один саратовский ваш спас».

Умолк словак и слишком долго
Вино рассматривал на свет:
«Там... у могилы... есть дорога.
Хожу туда уж тридцать лет».

Вздохнул он: «Яна мне сказала,
Вы с Волги — поклонитесь ей».
Меж тем в Карпаты ночь вползала,
В сиянье призрачных огней.

А мы сидели, пили молча,
И было грустно всем троим.
И перед этой скорбной ночью
Бессилен был и сам транвин.

ПЕРЕВОДЧИЦ

Дух дорожный —
Сколько встреч, у
Ты прости меня,
Обхожусь без по

Огорчаться, мила
Отдохни-ка от сво
Ты нисколько в т
Что не нужен дру

Я ценю друзей мо
Их все лучше пон
Нех са паче улыб
Судружка печаль

7 Заказ 193
2/07

ПЕРЕВОДЧИЦЕ

Дух дорожный — дух, животворящий.
Сколько встреч, улыбок и друзей,
Ты прости меня, что я все чаще
Обхожусь без помощи твоей.

Огорчаться, милая, не надо.
Отдохни-ка от своих забот.
Ты нисколько в том не виновата,
Что не нужен дружбе перевод.

Я ценю друзей моих участье,
Их все лучше понимаю я.
Нех са паче улыбнись на счастье,
Судружка печальная моя.

ВАЛЬС ПРИ СВЕЧАХ

Вальс при свечах.
До свиданья, красавица Яна!
Вальс при свечах.
Ты как будто бы вся из тумана.
Вальс при свечах.
И печаль в твоих темных очах.
Как он нежен и тих,
Этот вальс при свечах.

Ну что ж, пускай затихнут эти речи.
Ну что ж, пускай погаснут эти свечи.
Но пусть не гаснет праздник нашей встречи.
Нет, никогда,
Нет, никогда.
Никогда.

Вальс при свечах.
Как приятно кружить в этом зале.
Вальс при свечах.
Как мы мало друг другу сказали.
Вальс при свечах.
Сколько прелести в этих очах.
Как он светел и мил,
Этот вальс при свечах.

Ну что ж, пускай затихнут эти речи.
Ну что ж, пускай погаснут эти свечи.
Но пусть не гаснет праздник нашей встречи.
Нет, никогда,
Нет, никогда.
Никогда.

Вальс при свечах.
И все ближе минута прощанья.

Вальс при свечах.
Сколько светлого в нем обещанья.
Вальс при свечах.
И надежда в любимых очах.
Жаль, кончается он,
Этот вальс при свечах.

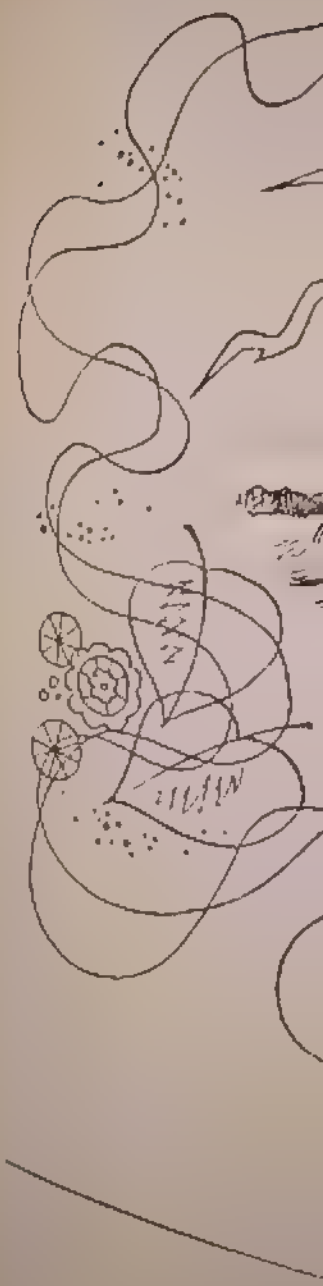
Ну что ж, пускай затихнут эти речи.
Ну что ж, пускай погаснут эти свечи.
Но пусть не гаснет праздник нашей встречи,
Нет, никогда.
Нет, никогда.
Никогда.

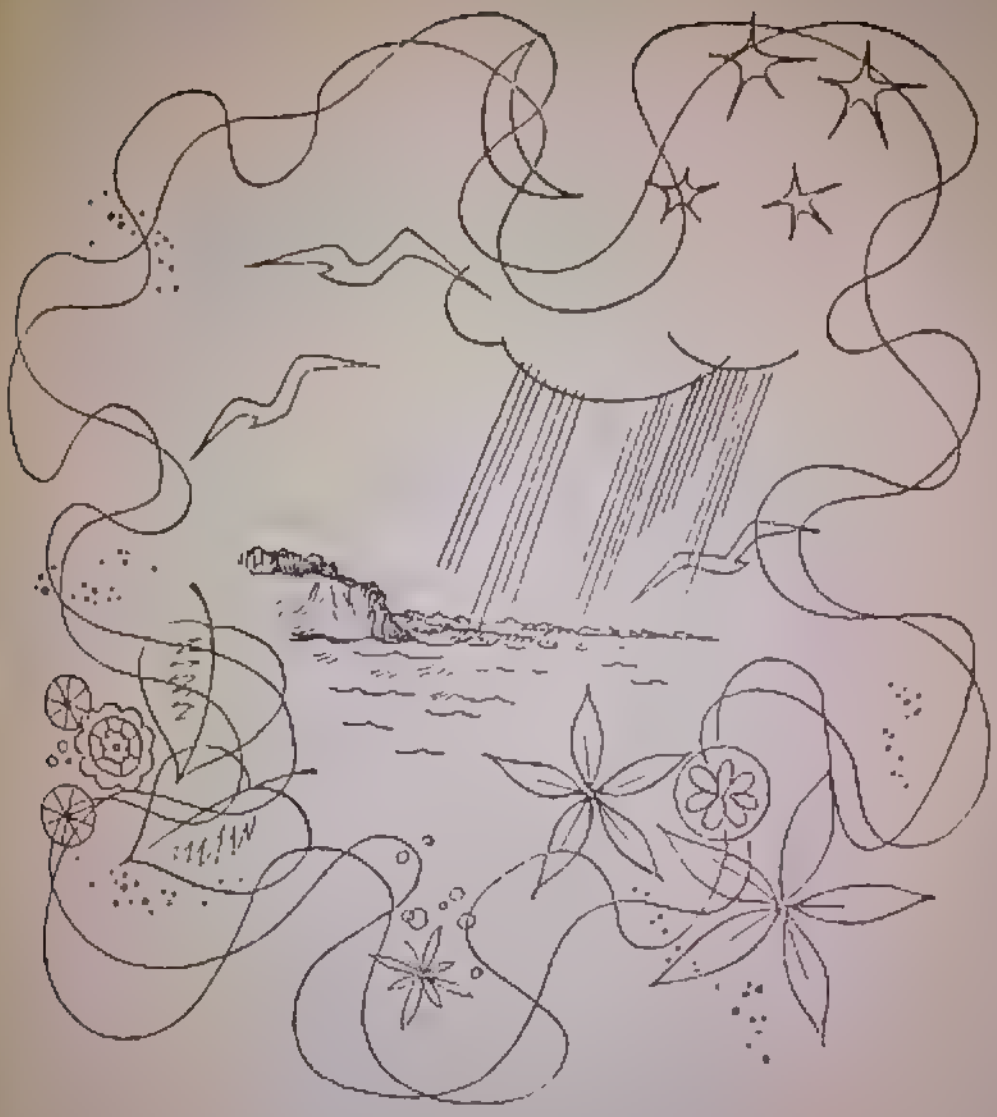
ПУСТЬ ЦВЕТУТ ТВОИ РОЗЫ, СЛОВАКИЯ

Что за розы душистые, яркие,
Как просвечены солнцем насквозь!..
Сколько праведной крови, Словакия,
На земле на твоей пролилось?

Были годы, как сумерки, тусклые,
Оттого среди синих Карпат
С тех суровых времен наши русские
И словацкие парни лежат.

Пусть и грозы и горести всякие
Стороною тебя обойдут.
Пусть цветут твои розы, Словакия,
Вечной памятью павшим цветут.





ПОЭМЫ

ЗЕМНЫЕ ЗВЕЗДЫ

1

С тех пор как занимался клубом,
Связав судьбу с его судьбой,
Кусал я от бессилья губы,
А дела нет, хоть волком вой.

Завклубов армия менялась:
Уж кто не лез под этот кров!
Но неизменной оставалась
В нем скука сельских вечеров.

И лишь: танцы по субботам,
Кино в неделю раза три —
Вот и, пожалуй, вся работа,
Кори за это не кори.

Так думал я, однажды сидя,
В тиши газетами шурша,
И неожиданно увидел,
Как мимо клуба свадьба шла.

Гармошки радостное слово
И пляска, полная огня,
На площадь праздника большого
Из клуба вынесли меня.

Я слился с пестрою толпою,
Не задевая никого.
И вспыхнуло передо мною
Одной плясуньи волшебство.

Нет, не глаза ее большие,
И не мелькание крепких ног

Покоя в
В душе

Подвласт
Я пораже
Неограни
Самой пл

Исчез в т
И незамет
Заворожен
Забыли вс

Как будто
Сошлось н
А эта бойк
Причиной

Взяла пляс
Неотразим
Скажи она
И мы бы во

Она тут все
Как хором
И ходуном
И подпевал

Я восхищал
От счастья
Эх, завлалет
Да в клуб е

Поведать пр
Какой на се

Покоя вдруг меня лишили,
В душе подняв переполох.

Подвластный праздничному счастью,
Я поражен был — черт возьми! —
Неограниченною властью
Самой плясуньи над людьми.

Исчез в толпе наряд невестин,
И незаметен стал жених.
Завороженные на месте,
Забыли все о молодых.

Как будто не для них в июле
Сошлось на площадь полсела,
А эта бойкая плясунья
Причиной праздника была.

Взяла плясунья верх над нами
Неотразимостью своей.
Скажи она: «За мною, в пламя!» —
И мы бы все пошли за ней.

Она тут всем руководила,
Как хором умный дирижер.
И ходуном толпа ходила,
И подпевал плясунье хор.

Я восхищался ею, милой,
От счастья обалдев почти.
Эх, завладеть бы этой силой
Да в клуб ее перенести!

Поведать просто невозможно,
Какой на сердце праздник был...

Грузовика сигнал тревожный
Толпу внезапно раздвоил.

И резким посвистом в два пальца
Шофер народ к себе привлек:
— Так! Так! Решила поломаться,
Пока в отъезде муженек?

— Григорий, брось! Беда ль какая?
На свадьбе пляска не позор.
Но никого не замечая,
Он на жену смотрел в упор.

Не по себе мне как-то было,
Когда, тиха и несмела,
Плясунья руки обронила,
Как два простреленных крыла.

И окриком сильней, чем плеткой,
Огрета посреди села,
Она усталою походкой
К машине молча побрела.

Толпа искала жадно выход,
Крепчал, как ветер, говорок:
— Будь человеком!
— Что ж ты, ирод,
Жену сажаешь под замок?

И вся, захлестнутая гудом,
Толпа презреньем жгла его.
И на глазах исчезло чудо,
И вмиг распалось волшебство.

2

Казалось, все я знал о Лиде,
Знал про ее житье-бытье.
Но в этот раз, когда увидел,
Как будто вновь открыл ее.

И понял с горечью при этом,
Что жизнь со стороны проста
И что, к несчастью, под запретом
Порой томится красота.

За ней захлопывают двери,
Ее без времени губя.
Я почему-то в Лиду верил
И строил планы про себя.

Я подарю селу горячий
Ее талант, ее задор.
Но обернулся неудачей
Наш первый с нею разговор.

Тогда смущенно и устало
Она промолвила в ответ:
— Свое давно я отплясала.
Как спляшешь в тридцать бабьих лет?
А свадьба — это просто случай.
Воспоминанье о былом... —

Поймал я взгляд ее летучий
И думал: главное не в том.

Причем былое, небылое?
Я видел: Лидины глаза
Мне говорили про другое:
Сплясать бы рада, да нельзя.

Я неохотно с ней простился,
Твердя, что муж ее неправ,
И лишь сильней ожесточился,
На неудачу наплевав.

И дерзкой мыслью подогретый,
Я дал себе совет такой:
Нет, ты не клубом, друг, заведуй,
А человеческой душой.

Не будь духовным симулянтом,
Не прячься от себя в кусты.
Открытье каждого таланта
Равно открытию звезды.

И не случайно Лида стала
Казаться мне звездою той,
Что, угасая, остывала
За мужниной недобротой.

С врагом и то жить можно в мире.
А Гришка? Гришка мне не враг.
Но мы с ним долго говорили
Совсем на разных языках.

Как ни доказывал я страстно,
Он лишь смеялся надо мной:
— Женись, браток, тогда и властвуй,
А на моем пути не стой. —

Он, даже не сходя с порога,
Не пригласив меня присесть,
Бросал мне: — Жен чужих не трогай!
Для развлечений девки есть!..

Я ждал и с самого начала
Хранил невозмутимый вид.
Покорно женщина молчала
И вдруг заплакала навзрыд.

В глазах возникло отраженье
Необлегченных стольких мук,
Что даже впал в оцепененье
Самоуверенный супруг.

Взглянули с ненавистью оба
Мы друг на друга — не шути!
Его лицо кривила злоба,
Мое — желание уйти.

Шагнул я прочь, чтоб не вернуться,
Клянясь свой замысел пустой,
И тут заставил обернуться
Меня чуть слышный вздох: «Постой».

Не знаю, что ее задело,
Какого чувства торжество...
На мужа Лида не глядела,
Как будто не было его.

3

Под кровлей с белой черепицей
Наш полутемный клубный зал
В часы веселых репетиций
Разноголосьем расцветал.

За Лидой вслед пришли другие
И безвозмездно принесли
На сцену силы молодые
И голоса родной земли.

Работа шла, сердца сближая.
Искусством жил колхозный цвет.
Селу на праздник урожая
Большой готовился концерт.

И в этом радостном кипенье,
В труде, похожем на аврал,
О нашем с Гришкой столкновенье
Я ни на миг не забывал.

Я не боялся поражения,
Но знал, готовый на борьбу,
Что не простит он мне вторженья
В его отдельную судьбу.

И не ошибся.
В пору жатвы
Я на полях встречал рассвет,
Писал призывные плакаты,
Гранил язык стенных газет.

Я вести нес бригаде каждой,
Ничьих не требуя похвал.
И тут в степи меня однажды
Прижал к кювету самосвал.

Но ни испуга, ни тревоги
Не вырвал из моей груди
Тяжелый голос: — Прочь с дороги!
Вон по обочинам ходи. —

Ни примиренья, ни покоя
Не обещал мне Гришкин взгляд.
— А то бывает и такое:
Упрямых давят, как щенят.

И вот настал
Гудел от нетер
Смешалось все
Когда концерт

Я знал, кругом
И, промахнись
За это резко не
По добродушию

И я не волнова
Но в зале, на н
Сидел на видно
Меня принявши

Не ведал зрител
С улыбкой друж
Что шел меж на
Что тут не толь

Я в зал смотрел
Смеялись быст
И вот настал че
И Лиде я шепну

Я знал своим же
Не позабыть мне
Плясунья вплы
Как гуси-лебеди

Потом прошлась
Дала работу ка
И ветер жаркого
Пронесся ш

4

И вот настал для нас экзамен.
Гудел от нетерпенья зал.
Смешалось все перед глазами,
Когда концерт я открывал.

Я знал, кругом свои все люди
И, промахнись кто из ребят,
За это резко не осудят,
По добродушию, простят.

И я не волновался б слишком,
Но в зале, на ногу нога,
Сидел на видном месте Гришка,
Меня принявший за врага.

Не ведал зритель ни единый
С улыбкой дружбы на лице,
Что шел меж нами поединок,
Что тут не только шел концерт.

Я в зал смотрел не без опаски.
Сменялись быстро номера.
И вот настал черед для пляски,
И Лиде я шепнул: — Пора... —

Я знал своим желаньям цену.
Не позабыть мне тех минут.
Плясунья выплыла на сцену,
Как гуси-лебеди плывут.

Потом прошлась как по иголкам,
Дала работу каблукам.
И ветер жаркого восторга
Пронесся шумно по рядам.

О пляска русская!
Твой пленник,
Не раз, не два я наблюдал,
С какою жадностью душевной
Тебя народ воспринимал.

Не оттого ль живешь ты славой,
Что выражаешь с давних пор
Его характер величавый,
Его размашистый задор!

Я ликовал: концерт удался.
И тут увидел в трех шагах,
Как недруг мой в лице менялся,
Преображался на глазах.

Куда девался вид спесивый
И нагловатый сдвиг бровей!
Утратив взрывчатую силу,
Он стал и мягче и добрей.

На сцену глядя просветленно
И позабывши обо мне,
Самозабвенно и влюбленно
Он аплодировал жене.

Ее глазами обнимая,
Он восхищенья не скрывал:
«Так вот ты у меня какая!
А я-то этого не знал!»

Не год, не два он шел с ней рядом,
Он ладил счастье с ней свое.
Но в этот миг, как я когда-то,
Он, видно, вновь открыл ее.

И после стихшего азарта,
Когда остыл оваций жар,
Он чуть смущенно, виновато
И молча руку мне пожал.

Не то чтоб стали мы друзьями,
Но я почувствовал тогда:
Вражда, стоявшая меж нами,
Не возвратится никогда.

И надо было б Лиду видеть,
Ее улыбку, слышать смех...
Та, что умела осчастливить,
Теперь была счастливей всех.

И он, прозревший, вдоль завалин
Увел жену в ночную тьму.
Как был ему я благодарен!
Как я завидовал ему!

Я знаю, в жизни всяко будет.
Но пусть не будет им темно.
Земные звезды — это люди,
И каждому светить дано.

ВЕНЕЦ

В. Левашову

Крестьяне, преданные сердцем
Напевам матери-земли,
В Свердловский клуб красноармейцам
Свое искусство принесли.

Уже немного оставалось
До взлета дивных голосов,
Когда печальная радость
Восторгом тронула певцов.

За сценой Пятницкий в волненье
Стоял с минуту недвижим,
Услышав новость, что сам Ленин
Сейчас прибудет в гости к ним.

Все жили этим ожиданьем,
Воображенье горяча.
Ответил зал рукоплесканьем
На появленье Ильича.

Но все тревожились заметно
И ощутили непокой,
Когда шагал усталый, бледный
Он с перевязанной рукой.

Еще, видать, в нем не остыла
Тупая боль недавних ран
От пуль наемницы постылой,
Народом проклятой Каплан.

Как бы почувствовав волненье
Красноармейцев и певцов,
Сел деловито в кресло Ленин:
Мол, все в порядке, я здоров.

Сердца и лица посветлели,
И песня всколыхнулась горда.
И в этот день крестьяне пели
Так, как не пели никогда.

И слушал вождь, усталый, хворый,
Недомоганью вопреки,
Про те ль заоблачные горы,
Про те ль рассыпчаты пески.

Ефимыч видел, как в печали
Ильич задумчиво поник,
Когда на сцене зазвучали
Слова, что пел в степи ямщик,

Как загорелся он весельем,
Подавшись чуточку вперед,
Когда цветною каруселью
Поплыл по сцене хоровод.

Он откликался, сидя в кресле,
На песню каждую душой,
Как будто слушал он не песни,
А голос Родины самой.

Как будто в славе, доброй силе
С былым и будущим своим
В Кремлевском зале вся Россия
Сошлась на сцене перед ним.

И Пятницкий сиял от счастья,
Что оказалось по плечу
Своим заботливым участьем
Доставить радость Ильичу.

Не всякому судьба такая...
Пустеет зал. Пора домой.
Идет и слышит: окликают
Его на лестнице крутой.

Приветлив голос коменданта.
И новость — сразу не постичь:
«Пожалуйста, вот пропуск. Завтра
Вас будет ждать в Кремле Ильич».

*

Не юноша, виски что иней,
И счет годов за пятьдесят.
Но почему раздумья ныне
Восторгом юности кипят?

И почему он так взволнован
Перед свиданьем с Ильичем?
Иль молодость вернулась снова
И все сомненья нипочем?
Иль силы прежние воскресли?
Он много их потратил сил,
Пока свою родную лесню
Сквозь годы в люди выводил.

Жрецы салонные те часто
Твердили: песня умерла.
А он ей дал права гражданства,
Полет свободного орла.

И вот, выходит, не на ветер,
Не на распыл пошли года,
Коль сам Ильич его заметил,
Назначил встречу. И когда?

В борьбе суровой над страною
Советской власти первый год.
Осенний день шумит листвою.
И Пятницкий к вождю идет.

Идет по улицам столицы,
Шаг отмеряя все быстрей,
И жизни первые страницы
Листает в памяти своей.

*

О где ты, розовое детство?
Пролей на сердце яркий свет.
В училище духовном место
Нашлось Митрошке в десять лет.

К поре рождественских каникул,
Когда ребят базар манил,
Он не коньки, не сказок книгу,
А старый песенник купил.

Зачем, и сам он знал едва ли.
Мелькали в книжке песни те,
Что под родным окном звучали
В своей сердечной простоте.

На них ничуть не жалко денег.
Спросили б, две цены отдал.
До слез обидно, что священник
Под вечер песни отобрал.

И оскорбленный в божьих чувствах,
Муштры казенной верный страж,
Продиктовал: «Не богохульствуй!
Твердн-ка лучше «Отче наш».

Но скука скучная молитвы
Была чужда его душе.
Еще не знавший радость битвы,
Он на своем стоял уже.

Отца крутые наставленья
И слезы матери, что жгли,
На путь церковного ученья
Вернуть Митрошку не могли.

О детский бунт!
В тот день, пожалуй,
Сказать гадалка б не смогла,
Что церковь служку потеряла.
А песня друга обрела.

*

Шагает Пятницкий, и зорко
Былое ловит чистый взгляд.
То песней радостной, то горькой
Года минувшие звучат.

Рисует память полдень звонкий,
Крутой откос береговой
И платье милой незнакомки,
Речной омытое волной.

Он хорошо и сам не помнит,
Как поднимался на откос

И в тишину прохладных комнат
Ее, спасенную, принес.

Зато запомнил темный локон,
Овал лица и хрупкость плеч,
Глаза большие с поволокой
И чуть замедленную речь.

Три дня спасенная дичилась,
Потом призналась наконец:
Она бы с горя не топилась,
Когда бы не один подлец.

Любовь подобно вихрю вальса
Дохнет — и ты от счастья пьян.
Словами страстного романса
Ей объяснялся Митрофан.

И с обжигающим смятеньем
Она к нему склонялась вновь,
Когда он пел про вдохновенье,
Про жизнь, про слезы и любовь.

Отныне все, что он ни делал,
Он делал только для нее.
Как никогда в стремленьях смелый,
Решил в Москве он взять свое.

Он так спешил с ней поделиться,
Когда дождался добрых слов
В консерватории столицы
От знаменитых мастеров.

Заветный дом.
В саду левкои.
Резное милое крыльцо.

Но почему в дверях чужое
И удивленное лицо?

О жизнь! Зачем ты так жестока,
Зачем испытываешь ты?
Забыто все: и в парк дорога,
Рояль, и песни, и цветы.

Его тогда подобно грому,
Что оглушает в ясный час,
Пригнула весть: к тому, к другому,
Она уехала в Донбасс.

Она уехала... А если?
Нет, верь, замри и цепеней.
Так в чем искать спасенье? В песне?
Да, только в песне, только в ней.

•

Без песни мучась, как от жажды.
Ей отдавая мысль и труд,
Он в модный ресторан однажды
Зашел узнать, что там поют.

Но все, что с ходу там увидел,
С тоскою острою как нож,
Он в тот же час возненавидел,
Как ненавидеть можно ложь.

Девица с рыжими бровями
Несла не песню — пудный плач
О тех, что были рысаками
И превратились в жалких кляч.

Какой-то пьяный горемыка,
Видать последний бросив грош,
Кричал: «Еще, еще ходи-ка!
Ах как, царевна, ты поешь!»

Царевна!
Морщась как от боли,
Забыв и ужин заказать,
Бесился Пятницкий: «Доколе
Мы будем песней пошлость звать?»

От гнева сдерживаясь еле,
Он поднялся, уперся в стол,
Да так, что пальцы побелели:
«Какая мерзость!» — и пошел.

О песня русская!
Глумиться
Я не позволю над тобой.
Ведь без тебя не народиться
И не заснуть в земле сырой.

И свадьбы стоящей не справить,
Избы добротной не срубить.
Весны и солнца не восславить.
Как без тебя, родная, жить?

Кто за тебя замолвит слово?
И вспомнил Пятницкий: живут
В Москве Таиеев и Лишева.
Они-то уж его поймут.

Не ресторанные одежды,
Им тоже дорог сарафан
Крестьянки русской.

И надеждой
Вновь загорелся Митрофан.

Весна синела в поднебесье,
Пахучий сок стекал с берез.
Когда к друзьям народной песни
Свое искусство он принес.

Не как в салоне у барона,
Где взгляды стыли точно лед,
Он пел им просто, увлеченно,
Как в деревнях народ поет.

«Зеленая рощица,
Что ж ты не цветешь?
Молодой соловушек,
Что ж ты не поешь?»

Он пел сердечно, как невеста.
Легко, как над младенцем мать.
И тут вскочил Кастальский с места:
«Позвольте вас за все обнять.

Вы знаете налевам цену...»
И вновь подумалось тогда:
Кому на оперную сцену,
Ему, конечно, не туда.

Нет, у него своя дорога...
Проходит день, за ним другой...
Крестьянским голосом фонограф
Поет призывно под рукой.

И мысли, мысли — не догонишь.
И на душе от них светло.

Скорее к песням, под Воронеж,
В родное русское село!

Отцовский край.
Дубрава в пойме.
Купавы желтые огни
«Аринушка, родная, спой мне,
Про белый камень затяни».

И голос мягкий, голос смелый,
С наплывом грусти и тоски,
Поет про тот ли камень белый,
Про те ль рассыпчаты пески.

И песня льется, увлекая,
И не поешь — подтянешь сам.
И в песне боль звучит такая,
Что сердце рвется пополам.

«Ты где, Аринушка, училась?»
«Известно, мать ведет детей».
«А где же мать-то наловчилась?»
«Она? У матери своей».

И что ни день, то стол, скамейка,
В саду фонографа труба.
И вновь поет, поет жалейка,
И песня льется как судьба.

И дума радостной окраски
И не во сне, а наяву:
«Собрать певцов бы в хор крестьянский
Да повезти его в Москву».

Пускай Матрены да Аксиньи,
Что мают жизни маяту,

Перед лицом всея России
Раскроют песни красоту.

Песнь — не трактирная забава —
Души народной торжество.
В ней красота его и слава
И радость вечная его.

Народ еще, к несчастью, беден,
Но дух его неукротим.
«Ну как, Аринушка? Поедем?
Докажем то, что мы хотим!»

И ловит лунная пороша
Старушки гордые слова:
«А почему б и нет, Митроша?
Я — за тобой. Держись Москва!»

*

Выходит, годы не на ветер,
Не на пустой пошли распыл,
Коль сам Ильич вчера заметил
И на свиданье пригласил.

И он идет.
И Кремль все ближе.
Стена краснеет кирпичом...
Ильич к нему навстречу вышел
С перебинтованным плечом.

Сказать про многое хотелось
(Жаль, врач заглядывал все в дверь)
Он рассказал, как раньше пелось
И как поется им теперь.

И о себе промолвил слово:
К чему стремился, то нашел.
Ильич, взмахнув рукой здоровой,
Заметил: «Это хорошо!»

Предвосхищая ход событий,
Добавил, словно был в долгу:
«В нужде окажетесь, черкните,
Я непременно помогу».

*

Он как святыню Кремль оставил
И влился в полдень сентября
И ветру голову подставил:
«Нет, годы прожиты не зря!»

Виски седые обвевает
Прохлада ласковой реки.
И он идет, еще не зная,
Что к славе делает шаги.

Еще не знает, что с годами
Рожденный в муках славный хор
Родную песню словно знамя
На новый вынесет простор.

Не знал Ефимович об этом
И шел по улицам шепча
Признанье радостной победы —
Слова простые Ильича.

Душа взволнованная пела.
Что ж, если делу есть конец,
Так вот задуманного дела
Достойный времени венец.

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХИ

«Призывая сам себя на помощь...» 6
Сеятель 7
Хлеб 8
Обычай 9
Соловьи России 10
«Еще темно, пастушеский рожок...» 11
«Здесь все оплачено волнением души...» . . . 12
«Как хорошо, что жив отцовский дом...» . . . 13
Стремнина 14
«Ты как свет в окошке...» 16
«По тропинке, протоптанной в детстве...» . . 17
Урожай 18
Дед 19
Куст калины 20
«Ночь, полная огней...» 21
Засуха 22
«Для нас не то сегодня диво...» 24
Детство 25
Золотая подкова 26
Поздняя весна 28
«Воспитанный на этом с детства...» 30
«Бывало, как увижу в детстве...» 31
Вечер 32
Страда 33
Ты ни о чем меня не спрашивай 36
Как я люблю тебя 37
Нехорошая 39
Женщина 40
О любви 41
«Понимаешь, не по случаю...» 42
«Если утром рано...» 43
«Потерял буран шапку белую...» 44
Первый снег 45
Молитва 46
Заветная 47
Грачи прилетели 48
Посвящение 49
Диво 50
«Неужель душа твоя страдает...» 51

Осенний стог 52
А день сияя... 53
Ты 55
«Посмотри, заря нам бросила...» 56
«Размашиста весны рука...» 57
«Затихло лето, опустело поле...» 58
«Так утром всегда бывает...» 59
«Отказался от вина и чаю...» 60
Зачем мы ссорились? 61
«Дымится теплая вода...» 62
Белые ночи 63
Горит заря 64
«До хрипоты порою спорим...» 65
Что хотите говорите 66
«У возраста свои законы...» 68
«На елке все те же игрушки...» 69
«Слегка обиженная чем-то...» 70
Метелица 71
«Ты мысль буди, пока она не встанет...» . . 73
Крылья памяти 74
«Скажи, в этом крае...» 79
Не ругай меня, мама 81
Последнее письмо 83
Не зови меня спать, перепелка 84
Разговоры 85
Березонька-береза 86
Прошли девчата 87
«Вот ты другому улыбнулась...» 88
«Ты сидела в пуховом платке...» 89
«Ревновать к кому-то...» 90
«Отмерцал огнями полусонно...» 91
Забор 92
Старый дуб 93
«Я на реке рассвет встречаю...» 94
«В природе есть редчайшие мгновенья...» . 95
«Земля, распаханная круто...» 96
«Кто не бывал на чужбине...» 97
«Зари багряная полоска...» 98
«Родные русские картины...» 99
«Под песню первого скворца...» 100
«Природы пробуждение...» 101
«Брожу в лесу. Осенний тихий лес...» . . . 102
«Никому береза не мешала...» 103
Взгляни на Волгу 104
«Не на час, не на два — надолго...» . . . 105

Ветер 106
«Думал я, встречая в море злаков...» . . . 106
«Глубок и чуток летний сон...» 107
«Сумерки лежат на подоконнике...» 108
Дождь 109
«Золотого листопада шорох...» 110
«Земля отдыхает от жатвы...» 111
Дорога 112
Декабрь 113
«О поле русское...» 114
1812 год 115
Андрей Рублев 116
«Утихло бурь февральских пенье...» . . . 118
«Спит косматая пурга...» 119
«Взяла зима рубель и скалку...» 120
«Всю ночь метель буянила...» 121
«Зима творила сказку...» 122
Зима 123
«Чью-то тайну бойкий дятел...» 124
Мать 127
Еще не кончилась война 128
Солдатская душа 129
«От тебя ничего не таю...» 130
Из Юсупа Хаппалаева 131
«Весна будила запах прели...» 132
«Да, бывает: сам себе я нравлюсь...» . . . 133
«Эта книга довольно корява...» 134
Как взять себя в руки 135
«Когда не ради любопытства...» 136
Иду на свадьбу 137
Травушка-муравушка 138
Моя биография 139
«Говорила в детстве мать...» 140
«Сложности века...» 141
«Белый день потемнел...» 143
«Отец мне дал не только имя...» 144
Зацвели саратовские вишни 145
У нас в селе гармонь настроили 146
Гость 147
«Полный удивительного смысла...» . . . 148
«Поэзия не знает выходных...» 151
Семеновна 152
Там у киоска... 153
«Не ругай, товарищ рыбнадзор...» 156
Некрасов 157
158

«Битые с достойной русской хваткой...» . . 159
Родословная 160
Север 162
Суздаль 164
«Там, где волны колобродят...» 165
«Щедра земля, щедра и многолика...» . . . 166
«Декабрь подходит к серединке...» 167
Коршун 168
О луне 170
«Я иду по чисту полю...» 171
«Таинственно слияние природы...» 172
«Ты чай готовить мастерица...» 173
«Дороги ускользающая лента...» 174
«На болотах расцвела морошка...» 175
Пушкин 176
«В поэзии, как в доме...» 177
Валя 178
«Отчий край удваивает силы...» 180
Желание 181

СЛОВАЦКИЕ МОТИВЫ

Здравствуй, Словакия 182
«В слове «Словакия» есть что-то плавное...» 183
Горлинка 184
«Оставив Волгу, где густые травы...» . . . 186
Гвоздики 187
Карпатский Волк 189
Переводчице 193
Вальс при свечах 194
Пусть цветут твои розы, Словакия! . . . 196

ПОЭМЫ

Земные звезды 198
Венец 208

Палькин Николай Егорович

ЗОЛОТАЯ ПОДКОВА

Стихи
Поэмы

Редактор
И. Шульпин

Художники
В. Евграфов, Б. Лавров

Художественный редактор
В. Бутенко

Технический редактор
Л. Борисова

Корректор
Р. Подосян

ИБ202

Сдано в набор 8/IX 1976 г. Подписано к печати 3/I 1977 г. НГ50748. Формат $70\times90^{1}/_{32}$. Бумага типографская № 1. Усл.-печ. л. 8,2(7). Уч.-изд. 6 л. Тираж 20 000. Цена 80 коп. Заказ 2197.

Приволжское книжное издательство. Саратов, пл. Революции, 15.

Производственное объединение «Полиграфист». Саратов, пр. Кирова, 27.

PHOTOS BY ANDREY G AKA DONUT190